

The background of the poster is a dramatic landscape. In the foreground, a woman with long dark hair, wearing a red dress with a black cape, stands on a grassy hill, looking away from the viewer towards a distant castle. The castle is built on a hill and has two prominent towers. A path leads from the foreground towards the castle. The sky is filled with soft, golden light, suggesting a sunrise or sunset. The overall tone is epic and mysterious.

МИХАИЛ ИГНАТОВ

ИСХОД

ПЕРВЫЙ ПОЯС

Михаил Павлович Игнатов

Исход. Первый пояс

Серия «Путь (Игнатов М. И.)», книга 5

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68877588

Аннотация

На землях предков, куда ты когда-то так рвался, ещё никогда твой путь не шёл так, как задумывалось. С чего надеялся, будто то, что началось как бегство из города Древних за его воротами пойдёт иначе?

Ты ошибался. Твои спутники ошибались. Но ошиблись и те, кто решил встать на вашем пути. Ошиблись те, кто решил, будто тебе можно угрожать, не представляя себе ни твоей силы, ни того, что есть вещи, которых ты никому не прощаешь. С тобой можно только договариваться, как с равным.

Ты искал силу и ты её нашёл. Пришло время пустить её в ход, не считаясь с ценой. Пришло время закончить с этим Поясом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	44
Глава 3	78
Глава 4	102
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Михаил Игнатов

Исход. Первый пояс

Пролог

– Мы что, ограбим шахту Ордена?

Мириот откинулся на выщербленной каменной скамье, прислонившись к плющу, что покрывал стену Зала Стражи кровавым покрывалом и, распахнув глаза в показном удивлении, переспросил:

– Ограбить шахту? Будь я одинок или уходи из Гряды, вырывая все корни, то возможно решился бы на столь безумный поступок. Ухватить побольше, да бежать. Можно даже не во Второй, а в Сто Озёр. У меня и отбирать там всё добытое не стали бы, ведь я принёс бы в их клан такую радостную весть – лесной ватажник ограбил сердце богатства Ордена!

Мириот расхохотался, поднял задумчивый, размытый мечтами взгляд над моим плечом, всматриваясь в видимые только ему картины, качнул головой:

– Но я не для того оставил сына и наследие Волков, чтобы всё, чем я и он пожертвовали, на что пошли ради этого похода, перечеркнуть своими руками.

– Пока не слышу ничего, кроме очередных умствований, – терпение моё было на исходе. – А они мне надоели ещё в

лесу. К делу.

Но Волк не спешил продолжать, проверяя крепость моих нервов. Наконец, словно насладившись мечтами или удовлетворившись выдержкой, кивнул:

– К делу. Ты, рождённый в Нулевом, не задумывался, почему главы ватаг так молоды?

– А я их видел? Ты первый и единственный из них, кого я знаю.

– Мы наблюдали твою схватку на Арене, в день встречи гостей города.

– Первый раз слышу, – я безразлично пожал плечами. – Там всё было заполнено зрителями, глаза разбегались. Орденцев видел, а тебя... Может, места ваши оказались в самой заднице?

Мириот усмехнулся:

– Пусть будет так. Тогда поверь на слово – они все моего возраста, редко кто старше или младше больше чем на десять лет, и ответь, где старшее поколение? Наши отцы, деды?

Я уже хотел сказать ему о десятках пожилых ватажников, что я видел в городе, Доме Найма, о том же скупщике в лагере Волков, но Мириот меня перебил:

– Я спрашиваю не о простых ватажниках, обделённых талантом, рано упёршихся в преграду. Я спрашиваю о лучших из лучших. Скорее, даже обо всех тех, кто имел достаточно яшмы, чтобы купить себе алхимию и не обращать внимания на уровень таланта, а брать силу с заемной помощью.

– Нет, не задумывался, – нахмурившись, переспросил у Волка. – Но если у всех ватаг есть места силы и обычай уходить туда в надежде прорваться, то сколько их там остаётся? Ты сам говорил – это последний шанс и мало кому он даётся в руки.

– По-твоему, эти места бездонные? Они долгие годы по крохе собирают силу Неба, которой может хватить только на одного. Ты же сам не раз ночевал в них и должен был ощутить, как быстро они пустели.

– От трёх десятков ватажников.

Я напомнил только это, придержав острые слова о дармоедах, так и просившиеся на язык. Но сдержался. Достаточно того, что повздорил с Риквилем, впервые не оглядываясь ни на кого, словно язык работал раньше ума. Нужно знать меру. Мириоту же не было дела до моих недосказанностей.

– Верно. Так мало, что не хватает даже на них. Потому-то места силы только для тех, чей шанс прорваться выше, чем у остальных. Чаще всего это главы ватаг или первые из братьев.

– Справедливо, так что с остальными?

– Это те, кто сам шагал за пределы, но десятую звезду всё равно не взял. Да и не возьмет, сколько бы мест ни выпил.

– Погоди, – до меня стало доходить. – Ведь и верно. В Школе нам что-то говорили об этом. Об основе силы семей, о тех, кто коснулся десятой звезды.

– Красивая фраза, да? – Мириот хохотнул. – Вроде ты и

неудачник, но небольшая игра словами и становишься тем, кто приобщился к великому достижению, поднялся выше остальных и уже можешь глядеть на них сверху вниз. Ведь сколько тех, кто не сумел достичь твоего уровня?

Откинувшись спиной на стену, обвитую плющом, я смерил взглядом Волка:

– Ты много раз говорил, что твоего отца постигла неудача, но не припомню, чтобы ты рассказывал о его смерти.

И увидел широкую улыбку:

– Как и о смерти деда.

– Деда?

Попытался прикинуть, сколько же ему сейчас лет. Вышло, что-то вроде вечного Газила, с которым я всегда сравниваю всех встреченных стариков. Здесь тоже должен быть кто-то так же сморщенный и согнутый годами. Хотя нет, он Воин, а значит, его здоровье не может быть настолько плохим: каждая звезда добавляет годы жизни и разглаживает морщины. Задумчиво протянул:

– Так значит, они остались с твоим сыном. Не хотят попасть во Второй? Или не верят в наш успех?

– Отец верит. Но уходить тоже не хочет. Деду же даже энергия Второго пояса не даст большего, чем ещё несколько лет жизни, но ради этого ему придётся отказаться от привычных благ положения старейшины ватаги. Мало кто променяет тёплый дом и вино на простую кашу в хижине.

– Так где они живут? В каком квартале?

Волк скривился, с неохотой признал:

– Мало кто из таких стариков остается в городе. Не так уж много силы Неба удерживает формация Гряды, Орден приберегает её для своих старейшин-мастеровых. Остальным приходится годами сидеть в дальних лагерях, а те, что побогаче и посильнее, строят себе дома в предгорьях.

– Дома? Там, где Звери и сектанты?

– Сектанты сами не сунутся так глубоко в лес, те, кто попадают к нам, слишком слабы для этого. А старики... Кто им может угрожать здесь? Кто угрожает Царям?

Я возразил:

– Они не Цари. Не все, если я верно тебя понял.

– Ты прав. Но мало кто рискнет сунуться в лес через территории ватаг к Воинам даже восьмой звезды. Такого не ударишь в спину и, чтобы смять числом, нужно будет собрать человек двадцать шестерок и пожертвовать половиной. Кто хочет умирать?

– А они сами не сходятся в схватках? Ну, старые обиды разыграют?

У Мириота дернулась щека:

– Это возможность глупо умереть. Те, кто живут в дебрях, слишком умны для подобного шага.

– Что они там вообще забыли?

Я попытался представить, будто мне нужно уйти из города и оставаться месяцами в лесу, питаясь тем, что добыл и приготовил. Разве это жизнь?

– Имея деньги, можно хорошо жить и здесь. Даже мы часто доставляем им заказанные товары.

Я задумался. Деньги. Обладая такой силой, можно и впрямь брать лучшую добычу в лесах. Тем более, с опытом этих стариков. Понимающе протянул:

– Так значит вот кто помогает вам с опасной добычей.

– Мечтай! – фыркнул Мириот. – То, что им мало жить осталось, не значит, что они хотят это «мало» потерять. То, что опасно для ватаги, опасно и для них. Пока упросишь старика помочь, пока придумаешь ему хороший подарок, проще потратиться на алхимический яд или заманить Зверя в ловушку. И то дешевле выйдет.

Странно, но если вспомнить, то я тоже не особо помогал Гуниру с Зимионом, начав свою охоту. Слишком разным стал наш уровень силы. Я бы не отказал им в помощи, вот только ни разу они не подходили с такой просьбой.

– Ладно, к сути. Зачем ты о них вспомнил?

– А что, по-твоему, им может быть интересно?

– Откуда мне знать? Мириот, ты можешь говорить ясно? Пока лишь тратишь время впустую.

Волк усмехнулся:

– Сила. Их интересует сила и возможность преодолеть застой и справиться с теми травмами, что они получили, пытаясь прорваться.

– Ты же сказал, что твоим это неинтересно.

– Наша семья всегда считалась странной. Да, у них есть

шанс, но он им неинтересен. Случись это лет двадцать назад... Но кто сказал, что другие думают так же? Кто знает, сколько тех, что сгинули в походе в Миражный, на самом деле не сумели выйти из него?

Кое-что стало доходить до меня:

– И встретили их?

– А ты думаешь, почему ни одна из ватаг не встала на пути, не остановила нас, ведь достигни мы успеха, и кто знает, насколько станут сильны Волки? Не лучше было бы встретить нас у входа и не дать войти вообще?

– Ты так много рассказывал про Царей, что я решил – такое ими запрещено.

Впервые за этот разговор мигнул трёхцветный Указ Волка, и Мириот кивнул:

– Отчасти. Мешать и впрямь запрещено. Тем, кто идет к городу. Вышедшие из него должны полагаться только на себя. И нас встретят старики ватаг и Сорока семей, в надежде получить алхимию Древних или, в худшем случае, отобрать оружие и техники.

Подумав, уточнил главное:

– Орден? Тоже будет ждать там?

– Нет. Вот им такое не позволят, – Указ не изменился. – Не будет никого от фракций, иначе это изначально было бы ненадёжно. От пиковых бойцов, владеющих секретами фракций, уйти не вышло бы ни у кого. Четыре месяца – слишком малый срок, чтобы превзойти их в силе и знаниях.

– Выйти через другой вход? Ты же сам говорил, что их много.

– Поверь, я дважды с Исполина следил за тем, как убивают вышедших из города. Достаточно наблюдателей с амулетами, и охотники будут знать, где добыча, – улыбка Волка превратилась в оскал. – Но мы действительно уйдём таким путем, что никто ничего не поймет и сами превратимся в охотников, выбирая добычу себе по зубам.

– Мне сильно не нравится, что ты скрываешь так много, а говоришь так мало, и только тогда, когда тебе это выгодно.

– Неужели ты бы отказался от похода сюда? От силы... От знаний... От спасения сестры?

Я смолчал, а Волк продолжил:

– Ты должен радоваться. Ведь старики сами принесут тебе деньги, которые так нужны для платы за семью в Воротной крепости.

– Ограбить грабителей? – теперь довольно улыбался я. – Неплохая идея. Ты поэтому и взял с собой в город так много людей?

– Столько, сколько только можно было по договору, – Волк расплылся в улыбке, через мгновение, впрочем, исчезнувшей. – Но этого всё равно может оказаться мало. У стариков ведь тоже найдутся помощники. Нужно будет внимательно выбирать схватки, чтобы не тратить силы на слабых и не встречаться с самыми сильными.

Предложение звучало разумно, и я кивнул, уже согласный

в этом участвовать. Вот только теперь меня смущало другое:

– Надеюсь, что в Шепчущем ты поможешь мне продать мою долю добычи, тамошних цен я не знаю.

– Продать? – Мириот откровенно смеялся надо мной. – Старики сами принесут нам дух. Не понимаешь? От чего ты страдал больше всего, что давило на тебя, когда высасывал всё место силы?

Ответил, уже начиная понимать:

– То, как мало становилось силы вокруг.

– Поверь опыту того, кто устал выслушивать нытье деда долгие месяцы. Девятым звёздам только возле Миражного энергии в достатке, а им приходится жить в гораздо более скудных местах. Ты понял? Дух. Им нужна голубая яшма. Два десятка монет на поясе позволит им даже вернуться к Гряде. Голубая яшма – это сгущённая, сконцентрированная энергия Неба. Пока она рядом с телом...

Мириот прервался, пощелкал пальцами:

– Может видел, на озерах в зарослях у берега живут паучки. Они строят гнездо под водой, создавая из паутины мешок, а затем таскают туда воздух. Да и сами ползают под водой, окружённые пузырьём воздуха. Так же и яшма. Пока она рядом с телом, то вокруг словно такой пузырь из энергии Неба. Монеты медленно истекают ей и тут же впитывают. Этим и пользуются старики, потихоньку прихлебывая. А иначе, вмиг начнут терять Возвышение и стареть. Дед как-то показывал: за два дня поседел, а чтобы стать прежним, ему

понадобилась неделя.

Невольно я вспомнил Тортуса в Нулевом с сединой и Тортуса у ворот Гряды с красными прядями в волосах, а заодно и кое-что ещё:

– А мы?

– Что мы? Мы молоды и сами полны сил, не стоит и сравнивать. Не о том думаешь. Нам даже не обязательно заставлять их биться до конца. Надавить, заставить ощутить, что поражение близко и принудить отдать яшму. Пусть почувствуют, как близка смерть. А они ценят жизнь, поверь.

– И всё? Разве они не ждут нас там, чтобы убить?

– Загнанная в угол крыса опасна.

Я хмыкнул, вспомнив свой опыт. И я загонял в угол, и меня загоняли. Помнится, о чем-то похожем думал, валяясь под ногами Скирто и получая его пинки. Сообщил Мириоту с улыбкой:

– У нас говорят так о квартирке. Очень трусливом создании, которое может отрастить острые зубы.

Волк пожал плечами:

– Не суть. Главное, что ты уловил, о чем я. Если выходящие или встречающие оказывались слишком слабы для другой стороны, или вспоминались личные обиды, то всё заканчивалось кровью. А так... К чему лишний раз рисковать? Потерянные месяцы жизни, пока они соберут достаточно добычи для голубой яшмы, как раз и станут для них наказанием.

– Как будто у них нет запаса.

– Скорее всего, у большинства есть. Вот только годами она храниться не может.

– Не верю.

– Хотя я и сказал, что монеты истекают силой и впитывают её, но сделал это больше для красного словца. Если белая яшма пустышка, а зелень и кровавики не портятся, то дух мутнеет и разрушается со временем.

Я покачал головой, всё равно не соглашаясь:

– Не возле гор. Здесь слишком много силы.

– Как угодно, – Мириоту надоело спорить со мной. – Молодые всегда знают больше всех, сам такой был. Итак? Тебе нужны деньги, чтобы перевезти всех своих родных с собой? Или на пару лет оставишь их в Шепчущем, пока не заработаешь денег во Втором? – Волк улыбался и продолжал давить на меня. – Тоже выход. Но... Кто успеет первым – ты или неприятности, что будут их искать? Или... думаешь, что уйди ты, и неприятности уйдут вместе с тобой? Никто из тех, кого обидел, ранил, родичи тех, кого ты убил...

– Довольно! – я даже вскинул руку, обрывая собеседника. – Как будто ты все не понял, когда я попросил о помощи в продаже. Я с тобой.

Я согласился, во многом поверив Мириоту. Вот только рассказывая очередную историю, о скольком он умолчал? Мне это казалось неважным, ведь впереди было ещё время для Возвышения и тренировок.

Но судьба снова решила, что я засиделся на одном месте, снова заставила меня бежать. Не раз уже мне на ум приходили слова Виликор о том, что и испытания, и награды нам дает Небо, чтобы заставить ускорить шаг на пути к нему. Пусть. Я проверю, насколько велика очередная преграда, и снесу её со своей дороги. И если Волк снова о чём-то умолчал, тем хуже для него самого.

Глава 1

Мы стояли совсем не в том месте, где я убил Мясника, послужившего экзаменом на вхождение в Миражный. Выход, который предложил Мириот, оказался далеко в стороне оттуда. Его с трудом можно было бы увидеть даже с площадки Небесного Исполина. Все эти полтора дня нам пришлось мчаться сюда без перерыва на сон, а всё потому, что за спиной, там, где фиолетовая пелена сменяла краски зданий и цветущие ограды, постоянно мелькали скалящие клыки Звери.

Больше всего о том, что я не сумею довести ватагу именно на эту улицу, переживал Мириот, постоянно ожидая – нам вот-вот перегородят дорогу. Как будто духу города было дело до таких мелочных издевательств. Хотя я понимал Волка. Одно из тайных знаний ватаги, переданное ему отцом – место выхода, не просто пропускающее сквозь формацию, а переносящее едва ли не на полдня пути в сторону, ещё выше на подножие Брата. Ведь у всех тех выходов, которыми пользовались идущие, рискнувшие добыть наследие Древних, нас ждали. Даже я заметил мелькнувшую на краю леса тень, которая не могла принадлежать Зверю.

Всё точно так, как и говорил Мириот в день, когда предлагал добыть плату за переход других во Второй.

Я глянул на Волка и кивнул. Тот без слов двинулся вперёд,

на ходу накидывая на себя тёплый плащ. Миг перехода через границу впечатлял. Из тепла лета в ледяную зиму. Будь зимы такими в Пустоши и страшно подумать, сколько понадобилось бы готовить к ним кизяка, чтобы дожить до тепла. Даже Воину нужна тёплая одежда, а Лейла и вовсе укутана в два слоя. Да и её Зверь Миура недовольно рычит.

Впрочем, похоже, что это дело привычки: стоило слегка обвыкнуться и тепло стало всем. А я так и вовсе наслаждался видом заснеженных просторов, оглядывая ватажников, что сейчас поднимались по склону, проминая глубокий снег и тропя дорогу для десятка, который шёл отдельно и позади всех. Формация города оказалась идеальным путём для побега из него. Если я верно понимаю, прикидывая по Среднему Брату, что сейчас встаёт у нас над головами, скрытый облаками левее, то мы оказались сильно южнее Миражного. Наверное, там, где Небесные Исполины подходили ближе к подножию гор, взбираясь на них. Мы теперь так и шли по этим склонам то вверх, то вниз уже больше тысячи вдохов.

Я даже получал удовольствие, вдыхая этот холодный воздух. Мне казалось, что он имеет какой-то необычный запах и вкус. Сам не ожидая от себя такого, на ходу зачерпнул ладонью горсть снега и отправил в рот. И впрямь. Ледяной вкус, будто у необычного лакомства.

Чуть сбавив ход, через полсотни вдохов сравнялся с группой Вартуса. Он оглядел меня и скривился:

– Чего тебе снова? Глядя на тебя, я даже рад, что решил

идти с первым братом. Не дай Небо мне бы в лагере сунули пяток таких как ты, гонять их по лесу. Да я бы взвыл!

– Таких, как я?

– Ага, таких же, как ты безголовых парней, которые с утра решают идти к Брату, а вечером разворачиваются. И так каждый день.

Я вскинулся:

– Да не собирался я больше прощения просить!

– Так я и поверил. Когда ты пришел в лагерь наглым щенком, то больше мне нравился.

Едва удержался от того, чтобы огрызнуться. Вместо этого протянул ладонь ватажнику. Ведь я и впрямь подошел по другому делу. Вартус мазнул взглядом по фиалу со звездой, буркнул:

– Мы уже заключили контракт.

– К дарсу контракт. Просто возьми его. Если у тебя под рукой будет такой шанс, то мне будет спокойнее. Не хватало ещё, чтобы на ваш лагерь кто-то наткнулся, пока меня нет рядом. Ты ведь не цепляешься за свое Возвышение?

Ватажник хмыкнул, принимая фиал. Вместе с этим я снял Указ с сестры, заставив её споткнуться и упасть носом в снег. Вышло забавно. Но так считал только я, если верить возмущенной мордашке Лейлы. Похоже, что меня может ждать ложка соли в вечернюю кашу. Неожиданно даже для себя я высунул язык, заставив сестру на миг выпучить глаза от удивления, прежде чем ответить мне тем же.

Я засмеялся, но смех длился не дольше вдоха, потому что идущий рядом Вартус остановился, подняв голову вверх. То же вскинул взгляд на гребень склона, где замерла передовая группа с Мириотом во главе. Рывок и, вздымая фонтаны снега, оказываюсь рядом с ними. Открывшийся отсюда вид мне не понравился. Лежащий впереди и левее на горизонте в туманной дымке Миражный оказался хорош. Вот только дело не в нём.

Когда Мириот говорил о том, что врагов, которые будут рассчитывать поживиться нашей добычей, наберётся много, он ничуть не преуменьшил. На снегу, в двухстах шагах ниже, расположились несколькими группами больше сотни встречающих. Впечатляющее число против наших трёх десятков. Вот только сейчас, после последних договоренностей с Волком, эта толпа – пустое. Больше меня интересует сколько из стоящих там достигли седьмой звезды. Стариков легко выделить из толпы по осанке, но что насчёт других, сильных, но ещё молодых, насколько окрашены их волосы под капюшонами теплых плащей?

Но расстояние слишком велико. Оглядывая чернеющие на снегу фигуры, я ничего не ощущаю. Просто фигурки. Фигурки, что встали между мной и семьёй. Преграда, которую мне нужно снести. Даже неплохо, что первых не нужно будет искать и мучиться в решении – нападать или не нападать.

– Какого гхырка они здесь забыли?

Или плохо? Мне хватило одного взгляда на ошарашенно-

го Мириота, чтобы нахмуриться самому. Не говорил ли он, что этот выход – тайна Волков, о которой никому не известно, кроме него, отца и Амира? Но мне это не так уж и интересно. Бежать назад всё равно не имеет смысла, и я ответил Волку:

– Вот спустимся и спросишь.

Он скривился и махнул рукой, отдавая приказ ватажникам. Теперь я шагал в первом ряду, а взгляд скользил по встречающим от одной группы к другой. Они так стоят явно неспроста, а потому, что чужие друг другу, связанные лишь одной целью – нами.

Левая. Два десятка крепких мужчин с короткими мечами и дубинами, из-под тёплых накидок выглядывают кожаные дешёвые доспехи. Глаз тут и там замечает на одежде и броне следы починки. Их сильно потрепало, пока они дошли сюда. Два серьёзных противника и один старик, что... равен мне? Чуть сильнее меня? Не могу понять.

Правая группа. Самая большая и самая узнаваемая. Здесь почти пять десятков мужчин. Впрочем, замечаю и трёх женщин среди них. Кажется, невольная мечта Мириота, которую он как-то высказал мне, сегодня сбудется. Это Тигры. И вряд ли они, как группа наёмников Гряды, переживут потерю стольких сильнейших своих бойцов. Ведь без силы зачем они Ордену? Невольно сбылось и моё желание: увидеть старших Тигров. Тогда, после поражения Карто на Арене, они не стали продолжать повышать силу моих противников.

Всего лишь предпочли отправить ко мне в лес убийц. Что же, они сами сегодня решили ограбить меня и дали возможность посчитаться с ними. Вот только как-то много среди них достойных противников, хорошую силу они сумели набрать под присмотром Ордена. Трое смогли взять преграду в семь звезд, а впереди стоят старик и крепкий мужчина старше Мириота.

Средняя группа объясняет то, как все остальные сумели сюда добраться. Мады. Проводники и те, кто тоже хочет урвать себе кусок чужой добычи. Не зря Вартус ушёл от них к Волкам. Возможно сейчас, перед схваткой, я предвзят, но Мириот прямо намекал в разговоре, что ни разу Волки не преследовали вышедших из Миражного. А Мады стоят передо мной. И многие из них и впрямь с Молотами Монстров. Ещё три явно седьмых звезды среди ватажников. Впереди же стоят четверо, двое из них старики один другого старше, третий парень старше меня лет на пять-шесть. Думаю, что здоровяк – это нынешний глава отряда, а с ним его сын, отец и дед. Вся сила ватаги Мадов без утайки. Что там говорил Гунир о ватагах? Если встретишь в лесу, то тебя не тронут, а помогут? Да. Я вижу, брат, вижу.

Мириот снова обернулся, глянул на меня. Губы его оказались сжаты так, что превратились в едва заметную нить. Много врагов у Волков, многое стоит на кону, многое не вышло у него завершить, многое зависит от меня. Пять вдохов, не меньше, глядели мы друг на друга. Наконец, Мириот от-

вернулся и вышел вперёд. Теперь все четыре группы походили друг на друга даже в деталях. Лишь ленты на плечах Воинов разных цветов.

– Ларс, ты всё же решился.

Я верно понял. Один из стоявшей перед Мадами четверки, широкоплечий мужчина усмехнулся:

– Мириот, давай без этих банальностей.

– Почему? Не приди ты сюда, ещё долгие годы вы бы оставались сильнейшей ватагой после моего ухода. А так...

Здоровяк перебил Волка:

– Ты всегда умел напустить тумана и заставить верить, будто Братья в два раза ниже, чем видят мои глаза, но в этот раз оставь свои слова. Сегодня будут говорить мечи и звёзды. Проведи ты в Миражном все четыре месяца, выйди пиковым Воином, и я бы отступил.

Мириот засмеялся, хлопая в ладоши, но собеседник лишь пожал плечами:

– К чему мне сейчас лгать? Так и было бы. Но... Ты взял лишь одну звезду, среди вас я не вижу Таори и Риквила. Вряд ли они решили двигаться через восточный выход, чтобы ударить нас сзади. Да и не сумеют. Ты потерял обе свои руки?

– Мечтай, – Мириот заложил руки за спину. – Лучше скажи, раз уж решил не лгать, почему вы ждали нас здесь? Откуда ты узнал об этом выходе?

Теперь рассмеялась вся троица, стоявшая впереди Мадов, а ответил старик, самый пожилой из них:

– А что, Ралк никогда не говорил тебе, откуда узнал о нём? Это знание он украл у нас, у Мадов. Разве что не догадывался – с того свитка мы успели снять копию.

Волк покачал головой, протянул, словно думая о чем-то:

– Слабо верится в такую чушь...

Здоровяк Ларс перебил его:

– Неважно. Мы торчим здесь уже месяц, ожидая от тебя любой хитрости, и я давно уже хочу домой. К делу. Волки слабы как никогда. То, что должно было сделать тебя сильным, уничтожило тебя и твой сильнейший отряд. Теперь моя очередь ставить условия, даже если я слабее тебя на звезду.

Мириот пожал плечами, по-прежнему стоя в своей вызывающей позе:

– Мне нечего отдавать. Я взял зелье и выпил его. Ты же знаешь, как мало людей получают награду в городе. Что ты возьмёшь с нас?

Ларс ухмыльнулся и с намёком взвесил свой Молот:

– Отвечу твоими же словами: ты же знаешь, как мало верят в таких делах на слово.

Волк тут же предложил:

– Пусть твой уважаемый дедушка заключит со мной контракт на правдивые ответы. Мы равны в Возвышении и...

Здоровяк захохотал, да так, что заглушил всё, что хотел сказать Волк:

– Контракт! Ха-ха-ха! С тобой?! Давно мы не виделись, я и забыл, какими могут быть честными твои глаза.

– Я никогда не обманул ни одного главу отряда, не нарушил...

– Мириот, уж я-то знаю, насколько ты изворотлив. Не удивлюсь, если впереди тебя шёл ватажник и кричал тебе, куда можно глядеть, а куда нет, чтобы ты потом вот с таким честным взглядом мог врать под любым контрактом. Не нужно. Сегодня вы все умрёте, и мы сами проверим ваши мешки.

Волк кивнул и выделил голосом:

– Все? Без исключений?

Я понял, ради кого он задал этот вопрос. Он ещё раз доказывает мне, что другого выхода нет. Зря боится. Едва увидев полосатые ленты Тигров, я понял, что здесь состоится сражение насмерть. Само Небо даёт мне шанс разрубить давние обиды.

Ларс кивнул:

– Сам понимаешь, только так.

– Поэтому взял с собой так много помощников? Даже удивительно, как вы после намереваетесь делить добычу? Эй! – теперь Мириот едва ли не кричал. – Как делить будете? Ладно Тигры, они хотя бы заходят в лес, а вы, тенивики, как собираетесь вернуться в Гряды? Мадам достаточно отойти в сторону, и Звери всё сделают сами!

– Думаешь перессорить нас?

Здоровяк снова рассмеялся, а вот я во все глаза вглядывался в стоящих слева. Дарсов Гунир, дарсовы сплетники,

что всегда называли сильнейшими в городе – восьмёрки. У жалких бандитов есть старик, что сильнее меня. Почему они здесь? Если Тигры ещё могли прийти из-за личной вражды с Волками, то эти точно ищут меня. Может, убитый мной прошлый глава теневигов Феус был сыном этому старику? Появился бы он здесь, будь тот простым его преемником?

Здоровяк оборвал смех:

– Не выйдет. Хватит разговоров. Умрите!

– Стойте! Стой, Ларс! Единственное, что мы нашли в городе, может убить вас всех. Не заставляй меня применять это! Все стойте на месте, или умрёте!

Здоровяк ухмыльнулся и махнул рукой, отдавая молчаливую команду.

Пришедшие за нашими жизнями молча потянули оружие из ножен. Во всех трёх отрядах. А я в который раз пожалел, что не умею создавать множество печатей. Попытаться наложить один общий Указ на таких сильных врагов будет ошибкой, возможно смертельной. Я прекрасно помнил, как потерял сознание с Муравьями в свой первый раз, когда полностью потратил дух. Мириот метнул в мою сторону взгляд, но я лишь едва заметно покачал головой. Рано. Не могу. Как никогда вовремя здоровяк Мад продолжил насмехаться над Волком:

– Хватит лжи. Выходи, проверим напоследок, так ли силен лучший из Волков? Попробуй стали моих братьев.

Он и впрямь шагнул вперёд, опережая своих людей, вме-

сте с двумя ватажниками своего возраста. Руки главы, как оставшиеся в городе Таори и Риквил, второй и третий братья по ватаге?

Мириот потащил меч из ножен, насмешливо выкрикнул:

– Ты сам выбрал забвение для Мадов. Восьмерка, разумеется, без помощи ты со мной не справишься. Ты не мог этого сделать и тогда, когда мы были равны. Ищешь смерти?

Только сейчас, когда старики оказались за спинами своих людей, явно не собираясь сражаться в первых рядах, а большая часть врагов вошли в пределы моей досягаемости, я начал действовать. И я молчал о смерти, отправляя её к людям в тишине хрустящего под их ногами снега. Лишь трижды взмахнул рукой, бросая всё те же, послужившие один раз, кости. Смерть. Смерть. Смерть. Смерть. Смерть. Смерть... Меня качнуло, но на ногах я устоял, справившись с нахлынувшей слабостью, а почти пять десятков врагов упали за смертью.

– Что за?.. Брат!

Здоровяк выругался и нагнулся к тому, что шёл слева от него. Мёртв. Нечего и проверять. Как мёртв и его сын, не достигший седьмой звезды. Теперь он замечает и его, рёв полон боли и ненависти:

– Ларимит? Ларимит!

Ты хотел натаскать сына на лёгкой добыче? Зря. Как там говорил Мириот? Если бы ты убил того, с кем я делил последний фиал у подножия Братьев, то все договорённости

потеряли бы смысл. Что ж, совершив одну глупость, я не буду делать другую и попытаюсь остановить словами тех, кто слишком силен для Указов. Начав убивать, нужно довести дело до конца.

Рывок влево, старый, первого созвездия, три обычных неторопливых шага, Рывок к единственному оставшемуся в живых из пары теневиков, что стояли впереди и ощущались как серьёзные противники. Похоже, один из них был хорош в бою, но не успел преодолеть седьмой звезды, и Указ убил его. Звон стали и Пронзатель, оказавшись длиннее чужого меча, чиркает врага по бедру. Ярость.

И мы со старейшиной теневиков остаёмся одни. Вокруг лишь тела его подчинённых, чернеющие на снегу. Теперь, надеюсь, на теневом аукционе некому будет продавать украденные у учеников Школы возвышалки.

Правее ревьёт Ларс, сшибаясь с Мириотом. Туда же мчатся те Мады, до которых не достал Указ, но они слишком слабы, чтобы доставить ему проблемы. Да и наперерез им несутся Волки, знавшие, что сейчас случится.

Развернуться. Лезвия, чтобы занять противника. Скользнуть ватажной техникой по снегу ближе к старику, который останавливает призрачные лезвия лишь поднятой ладонью и зло выдыхает:

– Щенок!

Да-да... Раскрученный под техникой усиления Пронзатель ударяет в осыпанную крошечным разрушенным Лезвий

ладонь. И не пробивает.

Старик успевает лишь усмехнуться, глядя на остановленную на расстоянии локтя от его лица сталь, когда я отправляю энергию в меридианы. Ярость. Теневик вздрагивает всем телом, пятится назад, вскидывая вторую руку. Медленно. Я раскручиваю древко вокруг себя, пригибаясь под чужой техникой, разворот, удар снизу вверх в голову.

Эту Ярость старик пережить не сумел. Всё верно. Вот как оно ощущается – достаточно высокое Возвышение, чтобы не быть подвластным моему Указу и почти полное отсутствие опыта смертельных схваток – глубокое озеро, видимое до дна.

Я не задержался ни на миг над телами убитых. Мгновение и Шаги несут меня к месту основной схватки.

Там Волк Мириот теснит, осыпая десятками стремительных выпадов, Мада Ларса. Собрат того стоит в пяти шагах за его спиной, отбросив свой Молот, зажимая одной рукой рану на груди, вскинув вторую и ожидая возможности. Вот Волк сдвигается на полшага в сторону, и раненый Мад отправляет в него сгусток огня. Но и с клинка Мириота срывается узкий зелёный лист. Волк всего лишь шагает обратно, а вот раненому приходится едва ли не рухнуть на землю, пропуская чужую технику над собой. Но Мириот и не пытался задеть его. Лист, почти неотличимый от настоящего, уносится дальше, чтобы быть разрубленным тяжелым клинком Молота Монстров приближающегося к схватке глубокого старика.

Ещё одно Скольжение, отлично подходящее для снега, и я опережаю его, оказываясь точно между ним и раненым Мадом. Подошва сапога вминается в снег, и от меня уносится волна техники.

Оковы Льда.

Вверх взмываются целые фонтаны снега, покрывающие врагов с головы до ног. Как и думал – не только вода усиливает эту технику, но и снег. А руки действуют сами, независимо от мыслей.

Выпад.

Его отбивают ударом по самому кончику клинка, заставляя древко неприятно содрогнуться в руках. Мелочи.

Удар подтоком назад, в спину раненого. Опережая сталь, с наконечника моего Молота срывается Шип, огромный острый кусок льда. Выпад вперёд, Пронзатель снова сталкивается со своим собратом, сплетается с ним.

Звёздный клинок.

Меридианы саднит от пропущенной через них энергии. Пустяк. Призрачная тень, удлинившая клинок моего оружия, чиркает старика по шее, а мгновением позже меня словно окатывает кипятком.

Рывок.

Техника переносит лишь на половину положенного расстояния, а дальше меня сбивает с ног, обжигает болью снаружи – шею, затылок, кисти рук от охватившего пламени, и изнутри – от сорванной техники.

Поднимаясь на ноги, первым делом я срываю с себя горящий плащ, открывая взглядам тренировочный доспех Павильона. Уже неважно. Кто так меня?

Похоже, отец Ларса, тот что просто пожилой из четвёрки. До этого он стоял на коленях над телом внука, но стоило ранить его отца, ударил так, что всё могло плохо для меня закончиться. Ему бы продолжить, но он сейчас занят другим.

Старик, хрипя, стоял на коленях и зажимал шею окровавленной рукой, пока его сын лил прямо поверх пальцев зелье из фиала.

Мне тоже нужно продолжать.

Рывок обратно. Прямо сквозь десятки Игл. Самое быстрое, что можно применить? Против меня мало.

Я полагаюсь на броню, останавливая Духовную защиту всего в волосе от поверхности кожи и отделяясь лишь мгновенной болью, когда Иглы скользят по щекам.

Последний Шаг и врагов обдаёт снегом, а затем покрывает льдом. Всего на мгновение, но мне этого достаточно.

Снова сплетаются два Молота, скользят друг по другу лезвия, крюки пытаются зацепить чужое оружие. Снова меня обдаёт жаром. И я поддаюсь чужой силе, одновременно отталкиваясь от земли. Мад отбрасывает меня в сторону, и его техника, да и техника ожившего старика, проносятся мимо.

Чем там занимается Мириот? Что с того, что на подмогу Ларсу прорвались ещё трое Мадов? Они слабаки, а я один должен справиться с двумя девятками? Вот они как раз

слишком сильны для меня.

Но сзади продолжает слышаться шум схватки, а стоящие передо мной и не думают давать передышку. Старик выкидывает руку в знакомом жесте, и Шаг в сторону не спасает от рухнувшей на плечи тяжести.

Зря...

Старик, не знаю, откуда у тебя эта техника, но Дланью только стращать наглых новичков. Между нами всего звезда разницы! Думаешь, лес насквозь видишь?!

Туман силы в один миг сбрасывает с меня оцепенение, Шаг, на этот раз вперёд, навстречу летящим прямо в лицо алым росчеркам. Пронзатель очерчивает круг только перед лицом, чужая техника бьёт по плечам, груди, ногам, скользя по броне и оставляя на ней подпалины. Меня снова обдаёт жаром опасности, но я, не задумываясь, делаю ещё один Шаг. Прямо в жаркие объятия огненного столба.

Этого тоже мало, чтобы остановить меня. Я слишком быстр, на мне доспех Древних, я использую Духовную Защиту и этого хватает, чтобы проломиться сквозь пламя.

Снова звон стали. Старик уже на ногах, а впереди стоит его сын.

Оковы. Укол в ногу. Ярость. Но сталь встречает сталь. Оружейная техника встречает оружейную технику. Мад отбивает удар, но едва удерживает Молот в руках. Как и я. Неважно.

Важно то, что Пронзатель цел, а вот Молот в руках про-

тивника разлетелся на куски.

Мгновенная заминка врага. Оковы. Укол в шею. Мимо. Мад успевает отбить удар остатком древка, что сжимает в руках. Но с острия моего оружия срывается Шип в старика, а крюк Пронзателя ложится на плечо противника. Жар опасности и я делаю Шаг назад.

Столб пламени поднимается там, где только что стоял и охватывает Мада, который решает не использовать Опору, и которого я утягиваю за собой крюком.

– Сын!

Да что ему, Воину девятой звезды, сделается? Не таким уж и сильным было чувство опасности за мгновение до моего отступления. Техника усиления. Укол в центр пламени. Мой Молот содрогается, попадая в цель. Короткий миг ожидания, пока Покров врага отсчитывает мгновения. Шип. Шип. Лезвие проваливается. Ярость, и я шагаю назад, выдёргивая оружие.

Огонь опадает, открывая тело, покрытое ледяными узорами, с развороченной грудью.

– Сын!

Что, старик, тоже думал, будто ничем платить не придётся, а Небо ничего не видит? Короткий взгляд назад показал, что и у Мириота остался один противник. Взгляд направо: над плотным строем Волков сверкают вспышки – защитные техники Калта и Салта встречают дистанционные атаки Тигров. Сбоку мелькают ещё три фигуры Тигров, и я тут же от-

правляю в них Указы, уже не заботясь о маскировке. Не стоит пытаться ударить в спину моей семье.

– Ты! Тварь!

Шаг в сторону от опасности и меня теперь обжигает изнутри – болью от срыва техники – и снаружи. Из снега вылетают десятки огненных щупалец, хватают за ноги, припекая даже сквозь броню. Духовная Защита выплёскивается из тела. И... Ничего. Разрушается едва ли четверть чужой техники.

Свист.

Я вскидываю Пронзатель, отбивая летящий в меня огненный диск. Один, второй, третий, четвёртый. Что?

Старик так и стоит там, где застала его смерть сына. Левая рука смотрит на меня открытой ладонью, перед которой исчезает обращение к Небу, а в правой руке сжат веер. Очень знакомый на вид, созданный из кости.

Снова перед стариком вспыхивает обращение, и опять снег прожигают десятки огненных щупалец земной техники. Плохо, когда у твоего противника были десятки лет на то, чтобы стать сильным и найти техники для своей стихии.

Пронзатель очерчивает круг, раскалывая на части ещё четыре летящих в меня диска, сворачивает вниз, взметая вверх целое облако снега. А я рисую перед собой ещё одно обращение, и впервые за это сражение использую свои неудачные Оковы Воды. По снегу разливается тонкий слой воды, взмываются клубы пара вокруг щупалец, сверху всё это осыпает

снег. Теперь Оковы Льда. Оружие острием вниз и ударить себе под ноги, в самое толстое, покрытое льдом щупальце. Ярость!

Из клубов пара я вылетаю Рывком, стремясь сойтись со стариком вплотную, не дать ему времени применить ещё одну технику сковывания, едва остынут его меридианы. А вот огненным диском из веера это не было нужно. Один из них скользит по наплечнику, обжигая шею болью. Мимо, старик.

Ему в грудь я вонзаю два Молота. Сила удара такова, что призрачная копия моего оружия разлетается в пыль, а мне отсушивает левую руку и закручивает вокруг старика. Прямо ему за спину. Ещё Рывок. Совсем короткий. Длиной всего в два шага, которые нас сейчас разделяют и ещё половину шага. Силу которого я использую для того, чтобы всадить Пронзатель под колено старику. Его Опора и Покров ещё держат, не давая ни ранить, ни сбить с ног. Но это уже неважно.

Оружие отпущено ещё в миг удара, руки оплетают голову и шею старика. Он успевает оторвать от себя лишь ту, которой я ухватил его за горло, обрушить на меня давление Возвышения Воина, когда с ладони второй, что лежит на затылке, срывается Шип. Да и недостаточно вывернуть мою руку и сдавить ладонь. Я давным-давно умею обходить срыв техники из-за неверного положения руки или тела. Шипа в голову с этой руки старик уж точно не ожидал.

А его Покров уже закончил действовать. Амулет выдер-

жал всего два Шипа, позволил старику отправить мне прямо в лицо ещё один огненный диск, что опалил брови даже сквозь Духовную Защиту. На большее его не хватило, и меня обдало кровью, тут же застывшей на моей броне кровавым узором.

Я отвёл глаза в сторону, позволяя мёртвому, едва ли не безголовому телу, упасть мне под ноги и открыть вид на схватку Мириота. Тот словно и дожидался этого момента: они с Мадом сошлись в стычке, теперь собственная схватка не мешала мне слышать звон стали. И в этом Волк явно оказался лучше противника. Во всяком случае, Ларсу не хватало навыков удерживать его на расстоянии. Мириот уже вплотную и Молот Мада больше мешал Ларсу своей длиной, чем помогал. Вот здоровяк пропустил один укол меча, второй, использовал Скольжение, чтобы отскочить и получил в бок лист-лезвие техники Волка.

Мириот коротко шагнул, взмахнул мечом, обрывая вскрик и поднял на меня взгляд:

– Мог бы и помочь с ним.

Нехотя выдавил из себя ответ:

– Мог бы и справиться быстрее.

Взгляд мой не отрывался от тел, перескакивая с одного на другое. Каково это? Прийти на лёгкое дело всей семьёй, возможно, впервые собравшись вместе за последние годы. И увидеть, как вокруг гибнут твои родные: дети, отец? Мне достаточно было потерять отца, чтобы годами рваться к мести.

Они захотели её здесь и сейчас. Вот только им не хватило силы и вышло так, что я убил троих из четверых. От густого запаха крови перехватывает горло, кажется, что я даже ощущаю её вкус. Своей или чужой? Содрал с лица застывшие капли, сплюнул, с облегчением не увидев крови на снегу, и поднял взгляд от него на Мириота:

– Почему девятка не смогла одолеть жалкую восьмёрку? Я же видел, что ты лучше владеешь оружием.

– Думаешь, это было легко? Твои-то противники не сжигали жизнь.

Волк показал мне пустое гнездо на своем поясе. Если это обычный большой набор, то Ускорение? Нашёл оправдание. Я справлялся против Риквила и без этого. Снова сплюнул, не в силах избавиться от этого соленого привкуса:

– И муха, прилепившись к хвосту коня, может проехать весь Пояс.

– Ты!

Едва начавшуюся перепалку прекратил крик:

– Первый брат!

Отвернувшись, я использовал Шаги, обходя слева, со стороны леса строй ватажников. С Мадами они уже разобрались. Остановился, едва мне стали видны Тигры, обрушивающие на Волков десятки техник. Скользнул рукой по поясу, отсчитывая кармашек и ничего в нём не находя. Это фиалы сидят плотно, а кости вылетели во время схватки. Ладно, пустое. Я просто выбросил вперёд пустую руку, лишь делая

вид, будто что-то метнул в наёмников.

Старший из Тигров, по-прежнему широкоплечий старик с густой бородой, с десятками Указов над головой закричал:
– Остановись! Мы просто уйдём!

Тут же Тигры прекратили бой, опустили оружие и попятнулись. Стоявший впереди Волков Калт рассмеялся и прохрипел:

– С-суки! Почувствуй смерть – поджали хвосты?

Обогнув своих ватажников справа, перед строем появился Мириот, зло спросил меня:

– Чего замер?

Я смерил взглядом замерших наемников, и старик Тигр тут же склонился в поклоне:

– Признаю свою вину, старший! На нас давили и заставили заключить контракт.

– Кому ты веришь, Леград?!

Бородач же продолжал вопить, заглушая Волка:

– Но теперь все Мады мертвы и контракт разорван! Прошу отпустить нас, старший! Мы простые наемники!

И я опустил руку. Сколько вдохов прошло с того момента, как я хотел проверить силу Тигров? К чему проверять то, чего нет?

– Пусть идут.

Мириот рыкнул:

– С чего бы?!

– Сам говорил, что загнанная крыса опасна. Пусть идут

и кормят Зверей. Без помощи Мадов у них вряд ли выйдет добраться до города.

– С девяткой и восьмеркой во главе? Это тебе что, слабаки теневики, только и умеющие воровать?

– Что с того? – поправился. – Что с того мне? Пусть уходят. Я сегодня достаточно убивал. Или думаешь этот сек... этот артефакт не требует сил для применения?

– Они ведь и твои враги. Хочешь, чтобы с твоим домом у крепости Ясеня сделали то же, что и с домом здесь?

Это он специально? Сообщил, куда я отправлюсь, чтобы заставить меня убить их? Зря. Слишком много сегодня уже сделано мной и только мной. Я презрительно усмехнулся:

– Твой дом в Гряде будет им ближе.

Волк рыкнул:

– У нас с тобой был договор!

Усмехнулся ему в лицо:

– И я сделал даже больше, чем мы договаривались. Кому понравится, что из шести сильнейших противников слабейшему из двух союзников пришлось сражаться с пятью, а Мириот?

– Так вышло, – пожал Волк плечами. – Ты слишком быстр и слишком силен для своего возраста. Никто из них не ожидал такого.

Я сморщился. Такая грубая лесть, как будто возраст и ожидания влияют на чувство опасности от моих ударов.

– Хорошо, – Мириот зло усмехнулся, видя, что молчу. –

Чего хочешь? Чем мне тебе заплатить?

Бородач Тигр выкрикнул:

– Мы тоже можем заплатить, старший Леград!

Я развёл руками:

– Плата за убийство тех, кто еще может сражаться и даже начнет сжигать себя, пытаясь нас убить. Или плата за жизнь от тех, кто больше не встанет у меня на пути? Выбор очевиден.

Повернувшись к старику-наемнику, сообщил:

– Мне нужен дух и амулеты. Еще свитки техник. Любых, если они у вас с собой. Если есть что-то достойное, как плата за ваши жизни, то сам решай, нужно ли это утаивать.

Мириот прошипел:

– Леград!

– Что? Да, они могут прийти к Амиру, но я здесь при чём? Решай эту проблему сам, а не моими руками. Если хочешь, то сам продолжай схватку: Волки против Тигров, – пояснил бородачу. – Выкупи ваши жизни, и я останусь в стороне.

Волк задохнулся от гнева, не находя слов:

– Ах ты!

Разозлившись сам, огрызнулся:

– По-твоему, Мириот, мне нравится убивать? Не решай свои проблемы моими руками.

– Хорошо, – Волк кивнул, повторил с кривой усмешкой, – хорошо.

Я лишь пожал плечами и вытянул руку к Тиграм. Несколь-

ко вдохов раздумий и бородач повторил мой жест, протянув руку за спину. Почти такой же по возрасту мужчина, стоящий там, снял с пояса и положил ему на ладонь кисет, затем сорвал с шеи амулет. Бородач повторил его действия, даже не пытаясь оставить себе хоть что-то, а отдавая мне даже кисеты Путников.

Голос Тигра, смотревшего, как я оглядывал кисеты, напряжён, а рука лежала на рукояти тяжёлого дао:

– И?

Я спокойно пожал плечами и безразлично сообщил очевидное:

– Я не наёмник, а ватажник. Моё слово твёрдое. Дальше всё только между вами двоими.

Мириот не упустил момента укусить:

– Да, я уже уяснил, насколько оно твёрдое.

Но я устал злиться. Тех, кто хотел убить мою семью, я уже уничтожил, остальное неважно.

– Я обещал помочь в схватке и взять на себя всех слабых Воинов. Я это сделал, – рукой указал на Тигров. – Они опустили оружие, ушли с нашего пути и отдали нам дух. Наш с тобой договор выполняется слово в слово. Не так ли и ты поступал со мной всё это время? Мне надоели твои упрёки. Я иду собирать трофеи с тех, кого убил я. Своих убитых обыщешь сам.

Мириот подошёл ко мне лишь тогда, когда я уже перешёл к теневикам и оглядывал снятые со старика амулеты. Боль-

ше всего меня интересовал защитный. Необычный на вид, но с клеймом гильдии. На десять срабатываний Покрова. Ни одно из которых не было потрачено. Как так? Волк словно услышал мои мысли, процедил, будто делая одолжение:

– Старик Гатир сам по молодости был мастеровым артефактором из гильдейских. Его амулеты подчинялись его командам. Думаю, он даже не успел коснуться его разумом.

– Глупая смерть.

– Для того, кто впервые выполз из города, вполне ожидаемая. Если бы он хоть чуть овладел боевой медитацией, то никогда не решился бы войти под Небесные Исполины.

Волк, помолчав, с нажимом спросил:

– Я надеюсь, дальше таких неожиданностей с тобой не будет?

Я молча пожал плечами. Меня неприятно удивили насмешки Мада над честностью Мириота, сама неторопливость Волка в бою. Но... Оправдываться? С чего бы? И сказал другое:

– Не думаю, – указал рукой на два десятка мёртвых во круг, – что у них найдётся дух. Может, ватажники найдут что-то нужное для нашего пути?

– Да, займёмся. В лагерь я уже отправил троих.

Бросив взгляд на палатки, поставленные нашими врагами под крайним Исполином, я кивнул. Тигры ушли на восток с тем, что было с ними, интересно как... Внезапно я подумал о мешках Путника, что обязательно должны были быть

у тех, кто собирался ждать нас у Миражного ещё месяц, но промолчал. Пока промолчал. Время дележа добычи ещё не наступило. Сколько их окажется среди неё? И нужен ли мне такой артефакт. Хотя? О чём это я? Достаточно вспомнить, сколько сначала мама, а затем и я собрали шкур и трав перед тем как уехать из Нулевого. Разве такая вещь может оказаться лишней, что за глупость мне пришла в голову?

В ожидании я расположился там, где и начался разговор с Мадом: считать дух и перебирать трофеи и амулеты. Все они растрачены полностью, кроме того, что я снял с теневика. И моего. Он не сработал ни на рассёкшие лицо огненные лезвия, ни на само пламя, в которое я шагнул. Может, слишком дешёв для моего Возвышения? А вот амулет Мада слишком быстро сдался перед Шипами, словно они стали сильнее, я даже не успел воспользоваться Умножением. Это из-за количества энергии Неба или из-за Стихиального зелья, или того, что вокруг снег и лед? Ведь вышло же у меня снежной пылью усилить Оковы Льда. Есть над чем подумать.

Повернул ладонь к себе. Прикосновение Весны. Лицо обдало теплом, да и обожжённая шея сразу стала меньше саднить. Глянув на замершую в нерешительности маму, подтолкнул её:

– Ну что ты? Мне он точно не нужен, а у тебя теперь будет полный набор: оружие против призраков, слабое оружие и сильное оружие, раз уж твоя стихия Дерево и твои техники лечебные, то заёмная сила самое то, что нужно.

Она кивнула и наконец уколола ножом палец, вытянула руку над веером, позволяя крови упасть на его поверхность.

Мириот остановился рядом и сообщил:

– Здесь закончили. Что-то парни в лагере копаются.

Незнакомый голос ответил ему:

– Потому что там мы справимся и сами.

Глава 2

– Кто здесь? – Мириот огляделся, громко спросил. – И стоит ли прятаться, заранее вызывая между нами вражду?

И прошептал уже только для меня:

– Леград, скольких ещё... простых Воинов ты можешь убить?

Я медленно поднялся, стараясь понять, что ответить Волку. С сомнением шепнул:

– Столько же, наверное.

Ватажник едва заметно кивнул и, словно в этом была необходимость, крикнул:

– Кто вы?

Ответа не прозвучало, а я ощутил давление опасности, на этот раз... направленной не на меня.

– Мама, за спину! Вартус!

Из пустоты слева, от уходящей вверх скальной стены, там, где лежал нетронутый сражением снег, на нас обрушились десятки простых техник.

Меня и маму накрыл купол Ледяной Защиты. Я не сомневался – выдержит. Меня сейчас волновало другое.

Дарсов Вартус не успел. Слишком далеко он стоял от Лейлы. Но у неё нашёлся защитник, который никогда надолго не покидал её. Миура стояла перед моей сестрой, и с шерсти Зверя осыпалось крошево техник.

Успокоенный и одновременно разъярённый, я обернулся, вскинул было левую руку, чтобы отправить Шип, едва спадет защита, но меня вдруг окатила холодом всего одна мысль: у меня треть энергии потрачено! И я поднял и правую, разворачивая руки ладонями вверх в нужное положение. Три круга циркуляции. Вращайтесь!

Нити энергии Неба дрогнули, сменили плавное скольжение на рывок, легко проникая под купол защиты. В отличие от летевших сейчас только ко мне техник. Крик Мириота заставил ватажников сомкнуться вокруг меня, Салк вскинул руки, накрывая весь наш отряд похожим сиянием защиты, только уже своей стихии. В направлении невидимого врага полетели техники Волков, бесследно исчезающие в пустоте.

Пять вдохов и в купол защиты вонзаются мерцающие фиолетовым сгустки. Десять вдохов, и я удваиваю усилия, наполняя средоточие, воздух под скалой дрогнул, исказился, как марево над костром. Вот оно! А ещё спустя пять вдохов я словно стянул с чужаков иллюзию, которой они прикрывались, обнажая истоптанный снег со стоящими на нём десятками бойцов.

Не знаю, что это была за техника, но лишь сейчас удары ватажников достигли врагов. Лишь сейчас они вскинули оружие, отбивая сгустки духовной энергии, принялись уворачиваться. Все, кроме одного десятка, что поднял щиты, прикрывая людей позади себя.

– Стойте, стойте, стойте! – Мириот даже бросил меч в

ножны и поднял руки, выкрикивая это.

И ватажники, и незнакомцы замерли, неизвестно почему послушавшись Волка. Из-за спин щитоносцев вышел худой, смутно знакомый пожилой мужчина, почти что старик. Спокойно подошёл к только сейчас замеченному мной шесту, который был глубоко вбит в снег. С усилием выдернул его и покрутил перед глазами. Мне стало видно, что шест выглядит старым: потемневшее дерево, ветхая ткань, которой оказался обмотан верхний конец. Это что? Флаг формации?

Мужчина поднял голову:

– О чём разговаривать с мертвецами? Перечислить им обиды, за которые они достойны смерти? Вот первая, – он вытянул в нашу сторону шест. – Повреждён Флаг формации земного ранга Карман Зияющей Пустоты. Кто скажет мне, можно ли будет его восстановить?

– Уважаемый старший, – Мириот склонился в приветствии практиков, – позвольте нам оплатить его ремонт у семьи Барит. Это наша вина, что мы допустили подобное.

Я не особо вслушивался в разговор, занятый тем, что оценивал силу стоящих передо мной и развешивал над ними Указы. Пока ещё пустые, но в том, что дело дойдёт до схватки, я не сомневался. Если уж нас пытались сходу убить, то они от меня жалости не дождутся. Проблема в том, что и враг слишком силён. Три семёрки в рядах простых бойцов. Одна восьмёрка. Одна девятка. И этот говорливый пожилой мужчина. Он слишком глубок для моего взгляда. Девятая или

же... десятая звезда? Кто они? Ни о чем подобном Мириот не предупреждал, да и сам он слишком заискивает перед ними.

Незнакомец сварливо произнёс:

– Конечно, ваша. Кто же знал, что этот сопляк сумел на таком уровне освоить Круговорот? Кажется, нашей семье он приносит одни беды.

Мужчина сжал шест в кулаке. Дерево сухо треснуло, падая двумя кусками под ноги.

– Что ты собрался здесь чинить? Флаг выгорел дотла. Сопляк, сейчас я впервые пожалел, что не выполнил каприз дочери и не убил тебя ещё в Школе.

Здесь я уже не выдержал:

– Да кто ты такой?

– Даже не уважаешь старших, – мужчина скривился, глядя на меня с презрением. – Но умирая, всё равно должен знать, что стало причиной твоей судьбы. Твоя дерзость, разрушенные планы семьи, моё унижение. Я глава Киртано. Убейте его.

Стоящие напротив нас Воины коротко переглянулись. Я бы снова, как с Тиграми, предложил разойтись или остаться в стороне. Но это Воины семьи. Пусть Киртано и нет в квартале Сорока Семей, но если они добились верности моих сверстников Бравуру, то здесь озаботились тем более. Над несколькими Воинами отчётливо налились свечением контракты, подтверждая, что они и рады бы остаться в стороне,

но не могут. Жаль. Но и у меня времени нет. И, обойдясь без бросков костей, дорисовал своей волей в Указы символы.

Умрите!

Воины рухнули ничком.

Ровно половина. Остальные даже не сбавили шаг, сбивая строй. Тот самый, которому пыталась научить нас Виликор, тот, что изображали против нашего класса Бравур и сын тысячника Грасдок. Теперь я видел, каким он должен быть: Воин со щитом впереди по центру, по бокам правша и левша, держащие мечи, на полшага позади, вскинув ладони, ещё двое. Сейчас на нас надвигались три таких пятёрки, наверняка прикрытые амулетами, среди которых нашлись и те, на которые я наткнулся при побеге из Гряды.

Первый вал техник принял на себя Мириот, легко, словно играючи, очертив перед собой сверкающий сталью круг и отступив к остальным Волкам.

Всё верно, как я и думал, с Мадом он не показал всей своей силы. Только сейчас я понял, что он впервые использовал Шаги.

Два вдоха и бойцы семьи Киртано снова обрушили на нас техники. Только теперь навстречу им рванулись десятки техник Волков. Вот центральная пятёрка согнула плечи, словно на них обрушилась тяжесть, а спустя миг у них под ногами вспыхнуло огненное кольцо. Работа Вартуса и Правура. Не иначе.

Шаг и я рядом с Мириотом, который не столько смотрит

на врагов, сколько крутит головой, оглядывая окрестности. Что он там ищет? Тех, кто убил ватажников в лагере? Неважно, разберёмся с ними по частям. Сообщаю Волку:

– Не действует.

Он отмахивается:

– Ещё раз.

– Больше нету! Сколько, по-твоему, костей я нашел? – отрезал я и предложил. – Нужно убить старших, пока они не взялись за нас.

– Боишься за сестру?

– А ты за братьев нет?

Волк, наконец, взглянул на меня, кивнул:

– Я слева.

Ухмыльнувшись, я кивнул в ответ. Пусть так. Короткий Рывок вправо, вырываясь на простор. Перебежка, и новый Рывок переносит меня на правый край наступающего строя. К говорившему со мной деду Бравура, если я всё правильно понял. Хуже то, что он сильнейший здесь Воин, сильнее всех тех, кого я сегодня убил.

Выпущенные ещё в движении Лезвия враг небрежно разрушил короткими взмахами узкого цзяня с кистью, напомнив мне красотой своих движений Виликор. Уже подозревая худшее, я разразился десятком быстрых уколов. И ни разу не сумел даже приблизить лезвие Пронзателя к противнику. Его небрежные взмахи оказывались настолько сильны, что легко сметали моё оружие в сторону, сбивали мне движения.

Дарсова жизнь! Стоит мне только сравняться в умении владения клинком с очередным соперником, как выползает тот, кто ещё сильнее. Это несправедливо! Дарсов дед Бравура оттачивал работу с мечом десятки лет, всю свою жизнь. Вот только кому какое дело до этого?

Мгновение и я отпрыгнул, метнув напоследок призрачную копию Пронзателя, которую дед встретил голой ладонью, заставив бесследно исчезнуть.

Что?

От неожиданности я сделал Шаг назад, остановившись лишь в десяти шагах от старика.

Неужели он и впрямь десятая звезда? Или орденец? Нет. Я даже помотал головой, отгоняя мысли. Нет. Скорее, это какой-то амулет.

Ещё раз.

Рывок, окончившийся в двух шагах от деда. Оковы. Укол в стопу, Шип из кончика Пронзателя туда же, когда отдёргивал оружие. Рассечь воздух широким взмахом, укол в голову подтоком. Перехватить древко за середину, обрушивая на противника град ударов. Оковы. Пол-оборота. Взмахнуть в воздух снег, осыпая врага. Оковы. Пол-оборота. Оковы.

Я кружил вокруг деда, используя все удобные моменты, чтобы покрыть его льдом.

Удар. Отбил. Удар. Отбил.

Лязг стали сливался в очередную мелодию, в которой я оказался слабейшим, опаздывая с ответами. Вот клинок

скользнул по моим пальцам.

Один. Бесстрастно отметил потерю заряда в амулете.

Вот я едва успел отдёргнуть голову с пути пучка того, что и Иглами назвать было сложно.

Довольно.

И я сменяю мелодию металла, закручивая меч Пронзателем. Начало круга. Мгновение и острие моего оружия смотрит врагу в горло.

Шип.

Половина круга.

Мгновение и острие направлено в средоточие деда.

Шип с другой руки.

Меня отбрасывает назад, заставляя скользить по снегу, взметая его и даже вынуждая вбить в мёрзлую землю своё оружие, чтобы остановиться.

Я в шести шагах от дарсового Киртано. Целого и невредимого. Первую технику он принял на ладонь, снова вспыхнувшую свечением защиты, а против второй явно использовал Покров. Неважно. Главное то, что силы моей техники не хватило его ранить. И сейчас дед, прищурившись, оглядывал меня, а затем и вовсе заговорил:

– Щенок, а ну-ка, скажи, ведь чтобы покрывать противников льдом, ты использовал технику, а не артефакт? Технику с орденом Умножением? Как и этот ледяной шип?

В голове промелькнули, буквально вспыхнув, десятки мыслей и догадок. Помедлив, я ответил:

– Верно. Но ваша семья достаточно смела, чтобы пойти против Ордена, так ведь? Иначе я не могу понять, что вы делаете здесь и почему посмели встать на нашем пути. Вы хоть сами и не вступили в Орден, но уже прикоснулись к его секретам. А раз пришли сюда, значит, стали врагом моего Ордена и мне нужно вас уничтожить.

– Щенок, придержи язык. Кого ты назвал предателем?

– Того, кого не должно было здесь быть.

Дед поджал губы, обернулся влево, оглядывая заснеженное поле между лежащими мертвыми телами и Небесными Исполинами, покачал головой:

– Быть того не может. Тебя вышвырнули из Школы, – перевёл взгляд на меня, произнес, будто убеждая. – Рискнул бы я уничтожить тебя за обиды семье, если бы мне намекнули о тебе хоть полусловом? Нет. Меня лишь попрекали внуком-бездарем, который проиграл отбросу из Нулевого.

Выйдет ли у меня? Несколько месяцев назад ничего не получилось. Но тогда пришедшие за мной знали слишком много правды, а дед не знает ничего. Как не знаю ничего и я. И мне осталось лишь пожать плечами и перехватить Пронзатель одной рукой:

– Почему не может? Так было нужно. Вы не верите мне?

Мгновение и на моей ладони оказался жетон внешнего ученика, который я демонстративно надел на шею. Но этого мало, и я усмехнулся, так самодовольно, как только мог:

– Можно ли стать ключом к городу, не получив знаний?

Теперь дед поглядел вправо, где сражались ватажники и Мириот, хрипели Воины и лежали мёртвые.

– Не верю. С чего бы Совету использовать этого выскочку и его шавок, давать ему в руки силу, а не поступить так, как раньше?

– Мне ли знать мысли своего учителя? Я всего лишь выполняю его приказы. Но с вами в растерянности уже я: вас не должно было быть здесь, но и вы сами в замешательстве. Мне кажется, что произошло недоразумение. Не лучше ли нам остановиться, старший?

– Остановиться? Когда ты убил столько моих людей? А ты наглый, щенок.

– Это всего лишь наёмные бойцы, верно? Вы получите компенсацию от учителя, – мгновение подумав, я надавил сильнее. – Если прекратите разрушать его план.

– И кто же твой учитель? Улий?

Едва заметная насмешка скользнула по губам деда Бравура, и я усмехнулся в ответ, благодарный своей памяти и случившемуся когда-то разладу с Мириотом:

– К чему мне быть учеником такого слабака? Он недостойн меня. Мой мастер – уважаемый Равой.

Киртано рывкнул:

– Остановитесь!

Шум схватки почти тут же смолк. А в нашу сторону раздражённо обернулся тот из врагов, что точно был Воином девятой звезды и бился с Мириотом:

– Отец!

– Погоди. Слишком уж погано ухмылялся Раут, когда рассказывал об этом месте, – отмахнулся дед, которого я так отчаянно пытался обмануть, и жестко сказал мне. – Такие вещи не из тех, которым можно легко поверить. Просто называть имя одного из...

Он замолчал, явно желая, чтобы я продолжил его фразу. Вот только я не мог. Мне не было дела до того, чьим подсыллом меня когда-то посчитал Мириот, я ни о чём не спрашивал его после. Дарсов дед. Хорошо, что на таком холоде не так сохнут губы от волнения, и я сумел удержаться от того, чтобы облизать их, выдавая себя. Хорошо. Хорошо. Мне нужно не так много. И я улыбнулся:

– Как будто любой ученик Школы знает имя старшего Ра-воя. Как будто в этом году есть хоть кто-то, кто получил жетон внешнего ученика, а не новую безделушку. Как будто любому щенку дают техники тех, кто всегда открывал Ордену ворота в Миражный. Как...

Дед перебил меня:

– У тебя полный набор?

– Даже не знаю, старший, – беззаботно пожал плечами. – Учителя Школы никогда не именовали его ни малым, ни большим.

– Ты получил их там?

Я замер. Дарсово отродье. Ошибся в ответе? Шипение деда едва не заставило меня броситься вперёд:

– Кадор вряд ли бы стал помогать Равою.

Но я удержался, вместо этого ухмыльнулся одними уголками губ:

– Даже когда на стороне моего уважаемого учителя находились Указы? У старика не было и шанса. Орден превыше всего.

Два вдоха дед глядел на меня, прежде чем медленно кивнуть:

– Допустим. Сколько тебе дали техник?

– Семь, старший.

– Как ты должен был позвать помощь и почему ещё этого не сделал?

– Старший, – я слегка поклонился, – ваша подозрительность делает вам честь. Но ответ прост. Не зову помощь по той же причине, по которой уважаемый учитель заставил меня выполнять ваши первые унижительные задания.

Собеседник хмыкнул, впервые за разговор опустив меч, а я, ободрённый, продолжил:

– Учитель не раз говорил, что я слишком зазнаюсь и горжусь своей силой. Но... Старший, разве я не имею на это права? Кто ещё может в моём возрасте похвастаться тем, что освоил одну из труднейших техник Ордена? Умножение. Потому и сейчас я решил сначала доказать свою силу, сметая всех, кто стал на моём пути, а затем наказать предателя Ордена своими руками, чтобы получить ещё больше славы и ещё раз показать учителю Равою, как я хорош.

Ещё мгновение я колебался, будет ли верным назвать Сигнал тем, что требовал от меня дед? Не испорчу ли я все этим?

– Но... Вы ведь не предавали Орден, так зачем мне тревожить тех, кого прислал учитель и использовать Сигнал? Даже если вы и сильнее меня.

– Тем более ты вышел гораздо раньше срока, младший.

Старик кивнул и вкинул цзянь в ножны.

– Пусть моя семья и не сошлась во мнениях со стариками Совета, но твоему Равою и, – здесь он закашлялся, но продолжил, – ему я никогда не переходил дорогу.

– Старший, вы можете не волноваться. В одну из встреч, помощник, – я повторил молчание старика, – его помощник объяснил, что есть вещи, которые нужно оставить позади. Я не держу зла ни на вашего внука, ни на того, кто всучил деньги распорядителю внешнего отделения. Как только он пересёк черту моего воспитания, его тут же поставили на место. А в остальном, этому младшему ещё рано даже думать о том, что происходит в Совете. Это дела старших... и их людей.

И я, вонзив Пронзатель в снег, склонился в поклоне.

– У тебя слишком правильная речь для нищего нулёвки, – дед скользнул взглядом теперь по Волкам, отыскав маму и Лейлу. – Похоже, внук о многом умолчал, и с тобой всё очень непросто. А раз так, то у меня есть к тебе одно дело. Конечно, я не буду идти против Ордена, но и от силы отказываться не могу, а значит, тебе придётся мне помочь. Конечно, жемчужина останется у тебя, но, думаю, ты будешь не против пе-

редать своему учителю имена тех, кто направил меня сюда, верно? Помощь за помощь.

Дед отвернулся, повелительно взмахнул рукой:

– Разойдитесь! Займитесь ранеными.

Шесть шагов – это очень много. Я тоже взглянул на Волков, поймал взгляд:

– Мириот, выполняй.

Словно красуясь, прокрутил Пронзатель в руках и одним движением убрал его в кiset, взяв взамен флягу и, наконец, смочив пересохшие губы.

Старший Киртано махнул рукой, подзывая недовольного сына, и уставился на меня. Мой единственный шанс. Обман не может длиться вечно, а против двоих врагов, каждый из которых сильнее меня, я не выстою. Один неверный ответ, одна неверная фраза в обычном разговоре, не тот жест и дед всё поймет, я ведь ни дарса не знаю о дрязгах в Ордене.

Ещё один глоток из фляги. Я опускаю её, глядя на Киртано и вокруг нас, в моём воображении встают огромные деревья, в вершинах которых запутался ветер. Медленный и спокойный шаг вперёд, не опуская головы. Мы глядим с дедом глаза в глаза.

Рывок!

Воздух выбивает из груди, невзирая на Покров, а я сшибаю Киртано в снег, обхватывая руками и ногами.

– Отец!

Оковы. Шипы. С другой руки. Дед рычит, упираясь мне

в горло локтем. Оковы. Шипы с двух рук. Исчезают. Меня отшвыривает техникой, разрывая мою хватку, подбрасывая в воздух. Шипы с двух рук. И я падаю на уже мёртвого деда, покрытого коркой льда.

– Отец!

Спину обжигает опасностью, и я перекатываюсь в сторону, полупрозрачные цзяни рассекают воздух там, где я только что был, едва не вонзаясь в тело мёртвого Киртано.

Вскакиваю на ноги. Никому не нужно отдельных приказаний. Все снова сцепились в схватке. Вот только теперь у наших врагов нет самого сильного бойца. И снова я один против того, кто шел за ним следом по старшинству. Дарсов Мириот, ты совершенно бесполезен!

Шаг в сторону, пропуская мимо себя девять полупрозрачных мечей. Лишняя трата средоточия. На таком расстоянии и Зимион увернулся бы. Рука ложится на кiset, и спустя миг в руках оказывается Пронзатель.

Но я только что сходил в мелодии стали с подобным врагом, и во мне нет ни капли пустой самоуверенности.

Ещё одно мгновение раздумий и левая рука скользит по коже пояса, отсчитывая кармашки. В горло льётся горечь дорогущего воинского зелья. Прими такое Воин второй звезды и останется калекой.

Даже мне, восьмой звезде, оно изрядно добавит силы и скорости. Ещё не Кровавый Пот, но, как любое зелье боевого усиления, второе такое же мне сегодня уже не принять.

Мужчина делает последний пятый шаг техники и останавливается. Соученик по Школе, выходит. Или даже мой старший собрат по Ордену? Ведь жетон до сих пор болтается у меня на шее.

Между нами десять шагов, и он вскидывает перед собой цзянь с кистью. Знакомый жест и поза.

А я делаю шаг с выпадом, наношу укол Пронзателем, удлиняя клинок Звездной техникой. Взмах мечом и полупрозрачное лезвие в десять шагов длиной разрушается. Но и врагу технику приходится прервать, а лицо его искажает гримаса боли от срыва, да и меч в руке дрожит.

Ещё одна попытка и снова я сбиваю ему технику. Ты не Риквил, с которым мы сошлись в тренировке, ты сильнее его, и я не желаю оказываться в центре твоего вихря мечей. Между нами уже восемь шагов, и теперь я первым наношу удар полупрозрачным лезвием.

Отбил.

Шаг и я уже на расстоянии длины древка. Укол в голову, в стопу, рассечь быстрым движением воздух, пытаюсь вскрыть врагу горло. Тщетно. Лишь звон стали.

В руке противника оказывается фиал. Но самое простое Лезвие превращает его в крошево стекла и брызги.

Закрутить Пронзатель, по-змеиному изгибая древко. Чужой меч на миг оказывается в ложбине крюка, рвануть его на себя.

Протяжный скрежет. Клинок врага загорается голубым

пламенем и коротко свистит, обрушиваясь на древко Пронзателя сразу за наконечником.

И оставляет на нем всего лишь неглубокую зарубку.

Противник пытается сблизиться, прорваться через завесу круговых взмахов моего оружия. Но мы сейчас одинаково сильны и ловки. На каждую его технику усиления или ускорения я отвечаю своей.

И ощериваю рот в ухмылке. В звоне стали и её мелодии он уступает мёртвому отцу, а мои Оковы заставляют его на миг замирать. Выпад и я вкладываю в удар Ярость. Цзянь отшвыривает в сторону и вниз. Враг техникой отпрыгивает назад. Шаг следом, Ярость по поднимающемуся в защите цзяню. На летящие в меня простые Лезвия, пусть и девять штук, я не обращаю внимания, позволяя им скользнуть по броне, заставляя врага выругаться.

Выпад и не сумевший поднять оружие мужчина получает удар в горло, отпрыгивает. Шагнуть следом, Оковы, закрутить Пронзатель, угрожая рассечь горло, и противник ведётся на обман, подставляя цзянь, а третья Ярость раскалывает его.

Быстрее!

Перекинуть древко на другую сторону и ещё раз прокрутить его. Ударить сверху клинком. Шагнуть. Рассечь воздух подтоком. Оковы. Сменить направление вращения и ударить снизу вверх в горло. Противник не успевает отступить и его отбрасывает на два шага. Шаг следом.

Укол. Выпад подтоком. Рассечь. Укол.

Враг ускользает Шагом, выхватывая новый меч из кисета. Вот только последний укол я нанёс с техникой, и удлинившееся лезвие снова вонзается ему в горло.

Покров? Амулет? Неважно. Он жив.

Глаза врага краснеют, и я сам рву жилы, удваиваю напор на него, не давая ему ни миг передышки.

Лезвие очерчивает круги, со свистом рассекая воздух. Меридианы горят от того, чего я от них требую. Клинок в ногу. Древко изгибается змеёй, когда я заставляю его описать новый круг. Клинок Пронзателя в средоточие врага. Воздух опять стонет под голубой сталью. Звездный Клинок в горло. Шаг вперёд и Пронзатель в быстром выпаде от бедра вонзается в приоткрывшуюся на миг подмышку. Ярость.

Враг бледнеет, из его рта вылетает целый фонтан крови.

Вырвать оружие. Прокрутить древко вокруг себя, набирая скорость и рассекая горло раненому.

Умиравший, хрипя, падает, а я сжимаю древко оружия, пытаюсь успокоить дрожь рук и сбитое дыхание. Оказывается, никакой выносливости Воина не хватает, когда по жилам бежит боевая алхимия, делая тебя быстрее и сильнее.

Шаг вперед. Киртано, кто он: отец или дядя Бравура? Неважно. Он всё ещё цеплялся за жизнь, точно так же, как и тот, убитый мной сегодня старик Мад, зажимал горло и даже дотянулся до зелья. На что он рассчитывал? Кровью залило весь снег вокруг. Спасти его могли бы верные бойцы, но мы

здесь одни. Короткий удар в рану прервал его мучения.

Воины его семьи сцепились с ватажниками и проигрывали, умирая один за одним. Мады пришли сюда, чтобы стать сильнее и погибли. Киртано постигла та же участь. Не знаю уж, зачем богатой семье могло понадобиться то, что мы вынесли из Миражного. Доспехи, оружие, техники? Зачем они им? Самое главное и ценное мы использовали на месте – земля и энергию площадок для медитации. Впору думать, будто они все обезумели, посчитав, что уж наш отряд найдет в городе Древних несметные сокровища. Что здесь делить на стольких, когда четверым шэнам едва досталось по одной награде? Или Волки вынесли из города что-то ещё? Заходили ли они в другие поместья до Зала Стражи? Что все те, кто пришел сюда, знают о добыче в Миражном? Вернее... О какой жемчужине говорил дед?

Восстанавливая дыхание, внимательно оценил длящуюся схватку: даже без атакующих техник Риквила и Таори, одного лишь Мириота хватало, чтобы результат стал для меня ясен. Нет ни малейшей угрозы для Лейлы и мамы: они надежно укрыты за спинами ватажников. И пусть глава Волков бросает на меня взгляды – я не собираюсь помогать ему. Пусть тренируется.

Вместо этого наклонился и стал обыскивать тела своих противников: два меча и три кисета. Хорошо, что артефакты Путника можно вкладывать друг в друга. Будь иначе и на моём поясе сейчас висела бы целая коллекция. Кроме них мне

больше ничего не интересно: вряд ли что-то ценное спрятано в карманах. Хотя... В нерешительности замер у тела старика. Амулеты Киртано должны быть лучше, чем у Мадов. А чем лучше амулеты на маме и Лейле, тем мне спокойнее. Рука потянулась к вороту расшитого бисером халата.

Но распахнуть его я не успел.

Меня окатило таким жаром, что я, не успев даже подумать, прикрылся куполом Льда. Мгновение и в него ударили десятки крохотных зеленых листьев, вспыхивая и рассыпаясь пылью.

Что?

Мириот, тварь!

Я успел только выпрямиться, как защитная техника дрогнула, а тело снова обдало жарким ветром.

Рывок.

Чувство опасности и навыки схватки не подвели. Защитная техника исчерпала вложенную в неё духовную энергию точно в тот момент, когда я должен был врезаться в преграду изнутри. Миг и я уже в сорока шагах от того места. Но опасность не только не стала меньше, а напротив опалила пламенем. Успел лишь вскинуть руку, закрывая локтем лицо.

И вокруг вспыхнуло настоящее пламя.

Куда там той технике, что использовали против меня Мады. Умножение хоть и позволяло применять техники в два раза чаще, но всё равно требовало паузы перед вливанием в узлы тумана силы, а я сейчас и не думал о повторении Рыв-

ка, а толкал туман наружу, из тела, чтобы защититься и не сгореть. Мне понадобилось два шага, чтобы выйти из огня, сделать вдох, поднять взгляд и...

И получить в грудь огромным призрачным мечом, снова улетев в бушующее за спиной пламя.

Вот только это меня не убило. Чужая техника не пробилла броню, полученную в Миражном, Духовная Защита спасла от языков огня, а туман силы, наконец, хлынул в узлы.

Рывок.

В этот раз никто не сумел подловить меня ударом. Или не смогли понять сквозь огонь, куда я развернусь, или же тоже ждали, пока меридианы остынут. Я с хрипом в отбитой груди ещё раз втянул холодный воздух и выпрямился, ища взглядом врагов.

Если в первый миг, увидев технику Древа, я заподозрил в предательстве Мириота, то огонь и призрачный меч поправили меня. Таких техник у ватажников не видел ни на одной тренировке. Так что смотрел сейчас не на них. Сколько незваных гостей сегодня у границ Миражного? И что им всем здесь понадобилось?

Этих оказалось совсем мало. Всего девять человек, в добротной броне, прикрытой теплыми плащами и в масках праздника Высокого солнца, скрывающих лица. Вот только Указы я на них не буду и пробовать наложить. Если я верно понимаю, то передо мной пять Воинов седьмой звезды, два Воина восьмой звезды, один девятой, причем восьмерки

не слабаки вроде Мадов, а по силе едва ли не равные убитому мной последним Киртано. Правый слабее, левый словно тёмное и глубокое озеро едва ли не так же силен, как девятка, чьего дна я не вижу.

Как будто всего этого мало для меня, снова оставшегося с половиной средоточия, в центре чужаков, чуть впереди остальных, стоит дряхлый, наполовину седой старик, опираясь на посох. Я ушёл из Школы раньше, чем появившееся у меня чувство силы идущих, позволило бы мне оценить её старейшину. Наверняка это ощущалось бы как бездонная пропасть, наполненная чёрной водой, сочащейся страхом. Даже сейчас, слабее этого старика всего на две звезды, я испытывал страх, тянущий холодком по спине: я не видел дна его силы, его уловов, понимал, что сойтись с ним в сражении означает положиться на удачу. И совсем не обязательно, что победа останется за мной, пусть внешне только посох, в который старик вцепился морщинистой рукой, и удерживает его от падения.

И, конечно, все остальные не будут всё это время молча смотреть, как я сражаюсь с их старшим. Сейчас на меня напали трое, стоящих чуть впереди, используя земные техники, что явно проявили их стихии. Старик с огненными волосами ударил столбом пламени, девятка с тёмно-зелеными бил первым, окружив меня техникой, так напоминающей ту, что использовали Волки у болота. А призрачный меч дело рук левого из восьмерок. Воздух. Странно лишь то, что его

волосы всего на две трети окрашены голубым. Меньше, чем у меня.

Оглядывал я их всего несколько мгновений, но новые противники не спешили нападать на меня или помочь спастись остаткам Воинов Киртано. Похоже, что все, приходящие к стенам Миражного за добычей, заботятся только о себе.

Круговорот? Я колебался недолго. Сейчас я стою далеко от Волков и некому меня прикрыть от техник. Сколько вдохов мне дадут использовать Форму? Два? Один? Бесполезно. Но и сражаться с ополовиненным средоточием? Слишком уж много у меня ушло сил, чтобы защититься от земной техники огня. Врываясь в мои мысли, разрушая их бег, раздался крик Мириота:

– Довольно! Стойте! Контракты разрушены со смертью старших семьи Киртано, ведь так?

Звуки сражения стихли, фигуры Воинов замерли на снегу. Волк же продолжал:

– Думаете, эти вас пощадят? Они убьют здесь всех, не зря же выжидали до последнего и скрывают лица. Они не оставят свидетелей. Становитесь на нашу сторону, только так мы все сможем выжить!

Говорит он верно. Но кто же такие эти гости? Старик потянул вверх посох, и только сейчас я понял, что все они стояли на нетронутом снегу, на котором на наших глазах возникли следы, ведущие к лесу. Ещё один Флаг маскировочной формации, который не смог повредить мой Круговорот?

Более качественный, чем был у Киртано?

Флаг исчез из руки старика, который вполне уверенно стоял и без его помощи, а я ещё раз скользнул по ним взглядом, внезапно подмечая ещё одну общую, кроме одежды и масок, деталь, ускользнувшую от меня в горячке боя. Указы. На них дарсовы Указы, а не контракты. Одинаковые на всех. Орденские. С таким уровнем Возвышения это значит, что они могут владеть и Духовной защитой, и Умножением техник. Это что, Мириот ошибался, и пришла расплата за мой побег или разрушенные места силы? На что надеется этот Волк, собираясь с ними сражаться? Я с трудом подавил ругательство, что так и рвалось из меня. Похоже, что пришло время того самого плана, по которому Вартусу нужно будет бежать со всех ног, защищая мою семью. Однако крикнуть ничего не успел – старик заговорил:

– Ты так складно врал будто твой учитель – Равой, что даже я поверил, – он захохотал, что в маске, изображающей печаль, выглядело жутко. – Даже я поверил и едва не отступил... Нетерпеливый щенок. Води ты его за нос еще две сотни вдохов, и мы бы вернулись в горы, так и не узнав о твоей лжи.

Старик перестал смеяться и обвёл всех нас провалами глазниц маски:

– Волчонок прав. Вы все умрёте. И лишь от вас зависит, как мучительно это случится, – провалы остановились на мне. – А вот у тебя выбора нет. Слишком много у меня к те-

бе вопросов, а ты так ловко врёшь, что задавать их придётся много-много раз.

– Вартус! – я не то чтобы испугался, но решил, что хватит слушать, пора действовать. – Хватай их и бегите!

Но этот дарсов увалень сначала уставился на Мириота, будто сам не мог оценить силу новых противников, а затем стало поздно.

– Думаете, я позволю вам это сделать?

В руках старика появился новый Флаг, на этот раз не при-
творяющийся посохом, а с развевающимся узким фиолето-
вым полотнищем на вершине. Я не успел даже вскинуть ру-
ку, а он уже вонзил его в снег. От древка по белому покрову
побежала яркая фиолетовая волна. Я толкнул из тела Духов-
ную Защиту, но техника промчалась мимо, словно рассту-
пившись передо мной. Только теперь я понял, что она разо-
шлась во все стороны, сначала обогнув старика и его под-
чиненных, затем умчалась им за спину и уже в сотне шагов
от нас. Мгновение и там из снега рванулась к небу фиолето-
вая мерцающая завеса, неприятно напомнившая месяц ски-
таний в городе.

Уже понимая, что происходит, я поднял взгляд, наблю-
дая, как над нашими головами встречаются стены накрыв-
шего нас купола. Похоже, всё это серьезно. Гости стоят по
центру, Волки и выжившие Воины Киртано справа от меня.
Рывком приблизился к ним:

– Мириот, знаешь, что это такое?

Ответил он мне не сразу:

– Формация Малого Звездного Барьера. Видишь, как мерцают искрами стенки? Обычно на одном Флаге дешёвые, неспособные надолго удержать даже Воина первой звезды. Думаешь, это наш случай?

Отвечать на это веселье отчаяния я не стал. И так ясно, что против такого числа Воинов, да в руках столь сильного ордена, слабым Флаг быть не может. Но вот насколько он силен? Старик махнул рукой в нашу сторону, и стоявшие позади него шагнули вперед. Я торопливо спросил:

– Сколько ударов земной техникой по нему нужно нанести?

– Бесполезно. Флаги годами впитывают силу, хранясь в семьях. Да, говорят, что если люди сплотятся, то и гору перенесут. Гхарков Риквил, унёсший все артефакты! Леград, тяни время.

Артефакты? Недоумение длилось всего миг. Тот мешок, что ватажник взял с собой. Выходит, там лежало не только Сгущенное Пламя. Запасливый Мириот подготовился ко всему, вот только... Я тоже выругался:

– Дарсов ублюдок!

Я оглядел, как орденцы разбиваются на три группы. Влево и вправо забирали восьмерки с семерками за спиной, а прямо на нас шёл тот, с зелёными волосами, взявший с собой всего одного помощника с накиннутым на голову капюшоном, скрывающим цвет его волос и стихию. Вот только

какой смысл тянуть время? Этих не уговорить. Снова выругавшись, я рявкнул:

– Значит, нам остаётся только убить их. Ваши правые и левые. И бейся в полную силу, Мириот!

Ладонь на кисть. Пронзатель в ладонь.

– Стой! Я понял кто это!

Но вопль Волка меня не удержал.

Толкнуть энергию в технику Шага, устремляясь навстречу врагу. Чем дальше они будут от семьи, тем лучше.

Ещё Шаг, ещё один. Я укорачиваю их, меняя расстояние на скорость. Вот враги вскидывают руки, в привычном для меня жесте поворачивая ко мне ладони, и запускают в меня Лезвия. Десятки Лезвий, которые несутся ко мне сплошной стеной, не оставляя и шанса увернуться или проскочить.

На миг я теряюсь. Это не просто полупрозрачные кинжалы, а полноценные мечи, налитые энергией до предела, да и летит их ко мне вдвое больше, чем я мог ожидать.

Но руки начинают действовать и без моего участия. Им, сжимавшим Пронзатель в сотнях тренировок и десятках сражений насмерть, совсем нет дела до моей растерянности. Древко изгибается, заставляя лезвие оружия описать круг передо мной. Техники раскалываются одна за другой. Грудь и средоточие надежно защищены. Голову в сторону: два Лезвия проносятся мимо, едва не касаясь щеки. Короткий шаг влево и большая часть призрачных Клинков рассекает воздух впустую, лишь два вонзаются мне в ноги. Один принял

на себя щиток брони Древних.

Вопль справа из-за спины:

– Это орденцы!

Волки, до вас только сейчас дошло? Или это Киртано? Неважно.

Я оскаливаюсь:

– Это ничего не меняет. Ни для меня, ни для вас. Сражайтесь!

Зеленоволосый, меня не смогла остановить твоя земная техника. Что мне человеческие, пусть и третьего созвездия? О бедро разбивается выхваченный из пояса фиал, заливая рану.

Рывок.

Я проношусь мимо его напарника на расстоянии длины своего оружия. Воин ловко, показывая огромный опыт, встречает удар Пронзателя мечом, принимая его под углом и направляя в сторону.

Зря.

Ярость.

Клинки словно отбрасывает друг от друга, грозя вырвать из рук. Вот только клинок моего Пронзателя насажен на упругое древко из Небесного Ясеня, и я крепко сжимаю его двумя руками. Оковы. От меня рвется к врагу волна льда, а Молот летит к его горлу, Шип пробивает ткань плаща, сталь ныряет следом в прореху. Ещё Шип. Ярость.

Меня накрывает вихрь зеленых листьев, каждое из кото-

рых острей, чем нож. Вспарывают рукава рубахи между щитами брони, штаны, рассекают поверхность доспеха, оставляя на нем уродливые шрамы, скользят по лицу, бесследно исчезая.

Я презрительно улыбаюсь и сплевываю кровь на снег. Пусть это и далось мне нелегко, а силы в средоточии всё меньше, но твой напарник мертв и лежит под моими ногами. И это только начало.

– Щенок, – цедит зеленоволосый, а следующие слова уже выкрикивает. – У... Старший! Он владеет и Духовной Защитой.

– Ты только заметил? Даже если и впрямь человек старикашки, это уже неважно.

Что он хотел сказать? Произнести имя или ранг красно-волосового? Управитель? Я ощутил, как холодок скользнул по спине. Везет хоть в том, что это не комтур. Позволил себе лишь быстрый взгляд по сторонам. Мой успех оказался не единственным. Ватажники взяли числом, и один из семерок уже спрятался за спинами собратьев по Ордену и схватился за зелье. Вот только этого мало. Старик считал так же:

– Чего замер? Мне снова самому взяться за дело, бездельник?

От Рывка зеленоволосого я ухожу обычным шагом, нанося удар навстречу. Звон стали. Мы сцепляемся в стремительной стычке, непрерывно используя Шаги. Я увожу его влево, подальше от ватажников и семьи, хотя это и дается мне

с трудом: он слишком хорош с мечом, очень быстро чередует удары клинком с техниками. В меня летят призрачные Листья, за ноги цепляются полупрозрачные лианы, с цзяня срываются Лезвия. Мне приходится перехватить Пронзатель за середину древка, орудуя сразу обоими концами оружия, чтобы суметь сравняться с ним в скорости, меридианы жжёт от бесконечного использования Умножений.

Орденец умело метит в руки, между наплечниками и на-ручами, в бёдра ниже щитков. Амулет давно использовал все свои заряды, я уже получил несколько ран, но сумел лишь два раза дотянуться до противника сталью и ни разу не пробил его Покров. Даже Шипом и Звездным Клинком. А силы в средоточии всё меньше и меньше. Какого же оно размера у него? Не может же быть напротив меня один из моих земляков-нулевок? Почему я не узнал, как звали того управителя, что покровительствовал Тортусу и Ориколу? Дарсов бездельник, который думал только о схватках и добыче.

Мир сузился, стал крохотным, ограничился лишь всполохами стали перед глазами. У меня не нашлось даже мгновения на то, чтобы сорвать с пояса одно из зелий боевой алхимии. Любая заминка могла стать последней, тем более тогда, когда где-то рядом еще тройка орденцев. Мне оставалось лишь положиться на свою боевую медитацию. Когда раздался чей-то, полный боли крик, я даже не мог повернуть голову.

Впрочем, мне дали такую возможность. Зеленоволосый

сам отскочил от меня, обычным прыжком. Шаги мы перестали использовать одновременно ещё полсотни ударов назад. Мир дрогнул и расширился, сначала на два шага до врага, а затем и дальше.

Первым делом я сорвал с пояса Кровавый Пот, а лишь потом скосил глаза в сторону и выругался:

– Дарсова сволочь!

Что с того, что ватажники сумели снова ранить орденцев, да ещё и сразу двоих? Ранить – это не убить. Да и вышло это у них только потому, что к ним присоединился Мириот, встав на острие строя. Девятка не смогла убить или хотя бы вывести из боя ни одного своего противника, а бежала под прикрытие ватажников. А ведь против тебя была лишь восьмерка с помощником! Волк, почему ты так бесполезен? Почему отступая и проходя мимо меня, не присоединился ко мне? И что с того, что мы не умеем сражаться бок о бок? Как будто это так важно при нашем уровне боевой медитации.

Впрочем, старик тоже оказался недоволен происходящим:

– Чем вы там в казармах занимались? Жалкие ватажники не просто ещё живы, но и едва вас не убили. С кем я приду на границу? Вы моей смерти хотите или моего нового позора? Ландол, Глаус, вы были бесполезны, но я выторговал вам зелья Небесного Благословения. Уже за одно это должны были рвать все жилы и не жалеть себя. Я взял вас с собой в горную резиденцию для медитаций, оставив нашу службу

и вовсе без старших. Но вижу, что ваши навыки не соответствуют вашему Возвышению! Вы – бесполезный мусор!

Я сглотнул, глядя на опустивших головы орденцев седьмой звезды. Эти имена я знал, на этих Воинов смотрел, познавая секреты Ордена. Попечители дорог и стражи, бывшие шестыми звездами, когда я видел их последний раз. А кто же тогда остальные?

– Арий! Кому я отдам своё место после смерти?

Зеленоволосый склонился в поклоне. Так, словно и не было меня с Пронзателем в двух шагах от него. Повинился:

– Простите, мастер. Но я верю, что ваши глаза всё так же остры: он талант, равного которому я давно не встречал.

Чуть повернув руку, я ударил Звёздным Клинком, не пожалев силы, но зеленоволосый выбросил в мою сторону руку, и перед ним замерла в воздухе пятиугольная пластина, разделившая нас желтоватым барьером, принявшим на себя мою технику.

Старик покачал головой:

– Бесполезные создания, слишком полагающиеся на заёмную силу. Неудивительно, что нам, старикам, лично приходится идти на границу, чтобы всё прошло так, как нужно. Неудивительно, что мне и здесь приходится всё делать самому.

На ватажников и наемников семьи Киртано обрушился огненный столб. Только раза в три больше того, которым старик ударил меня совсем недавно. Мое сердце на миг дрогну-

ло, когда раздались дикие крики. Но погибли лишь чужаки, Волков прикрыл знакомый купол. Вот только когда пламя опало, увидел, как Салк застонал, упав на колени. Он и его защитная техника явно не выдерживали противостояния. Я заорал, срывая голос:

– Мириот! Сражайся!

– Они слишком сильны. Нужно тянуть время!

– Ты дарсов тупица! Сражайся! Это единственный выход!

– Нет! Тяни время! Барьер пробьют!

Бросил короткий взгляд на зеленоволосого, который спокойно стоял за преградой и ждал, оглядывая то меня, то Мириота, слушая нашу перебранку. Я тоже обернулся к ватажникам:

– Кто? Сражайся и вытаскивай все свои запасы!

На Волков обрушился ещё один огненный удар. Они пятились шаг за шагом: снег парил и исчезал от жара, что стекал по барьеру Салка. Едва пламя опало, как я увидел напряженное лицо Мириота, услышал его крик:

– Цари!

Я прошептал, не видя на таком расстоянии, но подозревая, что его трехцветная печать и не думает меняться:

– Да ты с ними сошёл с ума.

Старикашка из Ордена считал так же. Он зашёлся в смехе, переспросил:

– Цари? С каких пор два старых Волка получили такую гордую кличку?

А вот то, как Мириот изменился в лице, я отлично заметил. Орденец же продолжал насмехаться:

– Зря ты обнадеживаешь щенка. Мы убили их ещё два дня назад.

Волк и вовсе замер на месте, сбив шаг всей ватаге, что по-прежнему пятилась, отступая от старикашки. Мне же не было дела до того, что его родные мертвы. Сейчас меня волновали лишь мои. Сейчас я жалел лишь о том, что не наложил в пустой Указ Мириота надпись «Верность». Тогда он бы вёл себя по-другому, тогда я бы мог приказать ему помочь в атаке на старикашку и разрушении Флага. Прости, мама. Фиал Кровавого Пота сменился на Кипящую Кровь. Я куплю жизни родных даже ценой своей, даровы ублюдки.

– Мириот! Твой шанс отомстить ему, напасть вместе со мной! Флаг! Ну!

Мгновение мы глядели с Волком глаза в глаза, а затем купол формации полыхнул: его фиолетовые звезды сменили цвет на ярко-красный, заливая снег кровью, а затем прожгли барьер, в который запер нас красноволосый старик, открывая в дырах голубое небо. Раздался женский крик:

– Если вы ещё живы, гхарковы тупицы, то бегите. Бегите!

Глава 3

Мгновение я пытался понять, как действовать дальше, пока новый крик не разрушил моё глупое оцепенение:

– Бегите, олухи! Ну!

Но я лишь хлопнул ладонью по кисету, возвращая в него зелье и освобождая руки перед тем, как вскинуть их ладонями вверх. Круговорот. Боялся, что затрону и преграду, которую поставил зеленоволосый, но барьер даже не исказился. Да и сам орденец не пытался снять его, а выругался и бросился вдоль барьера Шагами, торопясь обогнуть и помешать. Второй раз, почти без перерыва, Форма далась мне непросто, но энергии вокруг оказалось неожиданно много, больше чем в прошлый раз. Мне хватило пяти вдохов на то, чтобы заполнить средоточие, да ещё и плеснуть немного в тело, изгоняя из него слабость. Остановив бешено вращающиеся круги циркуляции, миг я приходил в себя, явно зачерпнув на пределе сил, снова ощущая кровь во рту, а затем побежал. Рывком. К Волкам.

Успел всего за мгновение до того, как зеленоволосый обогнул свою же преграду. Опалившую жаром опасности технику, те самые листья, я отбил выхваченным Пронзателем не глядя, лишь мелькнули мимо плеча истаивающие на лету зеленоватые осколки.

Волки наконец тоже бросились бежать, но на руках у них

не только два слабых Воина без техник движения, но и раненые. Да и не отпустят их от себя орденцы.

В Школе учитель Кадор много раз рассказывал о том, кто побеждает в битвах Воинов. Десятки тренировок дали мне понимание того, о чем он говорил, сегодняшняя схватка с превосходящим меня по силе орденцем лишь подтвердила все эти знания. Ни разу на тренировках мне не удалось исполнить технику подобным образом, хотя я давно познал ее в полной мере. Ни разу в скоротечной схватке с зеленоволосям я не пытался рискнуть таким образом. Но сейчас выхода не осталось.

Шаг в сторону, туда, где не грозила опасность со спины. Вскинуть Пронзатель над головой, сосредоточиться на въевшейся в тело технике. Ноги несут меня сами, пока разум следует за энергией по меридианам, наполняя их до предела, умиряя завихрения и подгоняя бег силы Неба. Нет ничего вокруг меня, нет ни цели, ни желания. Только необходимость довести технику до конца. Выполнить её идеально.

Вспыхивает вокруг руки видимое всем обращение к Небу. Жар опасности в спине я просто оставляю без внимания, полагаясь на броню Древних.

Удар сбивает меня с ног, заставляет кубарем полететь в снег, вот только он на миг запоздал. С острия моего оружия уже сорвался Шип третьего созвездия – крохотная льдинка, размером всего с шило для кожи. Как всё случилось, я не видел, занятый собой и Пронзателем, но поднявшись на но-

ги, не удержался от ухмылки.

Орденец восьмой звезды, тот, что был с голубыми волосами и обрушивал на ватажников десятки прозрачных, так похожих на риквильские, Мечей, был мёртв. Шип третьего созвездия, техники, которую я освоил до уровня постижения, принял в себя предельное количество духовной силы и сжал её в предельно малую форму. Как там говорил учитель Кадор? Чем меньше остриё у атакующей техники, тем больше энергии нужно, чтобы защититься от неё. Не знаю, успел ли Орденец почувствовать опасность, использовал ли Покров или Духовную Защиту, но теперь он мёртв и даже амулет не спас. Шип вонзился ему в шею, заморозил тело, хребет, жилы и кровь.

Орденцы замерли, позволив ватажникам отойти на двадцать шагов, а меня заставив и вовсе ощериться, словно хищный зверь. Боитесь?

– Щенок!

Хорошо, что Пронзатель я убрал в кисет ещё несколько вдохов назад, когда полетел в снег. Дарсов старик слишком силён – достал меня огненной техникой даже на таком расстоянии, не сдвинувшись с места. Мой же Рывок на середине движения встретила какая-то техника от его подчинённых, заставив снова прокатиться кубарем, теряя драгоценную, чудом восстановленную энергию. Дарсов Орден.

– Бегите!

Опять напомнила о себе неизвестная женщина. Подняв-

шись из снега, мне хватило мгновения, чтобы обнаружить её в отдалении и фыркнуть, возвращая в руки оружие и отбивая обычные, хоть и высокого созвездия, Лезвия. Женщина из Ордена. Меня этой преградой из кустов не обмануть, слишком они близко ко мне, и я отлично вижу контракты и Указы, среди которых есть и орденский, и трёхцветный.

А вот для остальных она так и оставалась невидима. Ненадолго. Старик вновь поднял руки, вынуждая меня сжаться в ожидании опасности. Но жар пришёл не от боевой медитации, а от настоящего горячего порыва ветра в спину. Пришлось крутануться на месте, чтобы понять, что произошло и увидеть женщину своими глазами: кусты, где она скрывалась, полыхали, заставив меня добавить старику ещё двадцать шагов расстояния в дальности техники, а её выскочить оттуда. Ловкая и гибкая фигура в подбитом мехом плаще поверх лёгкой брони, меч и кинжал на поясе, маска скрывает лицо. Вот только её и капюшона, что не давал увидеть цвет волос, оказалось мало для того, чтобы остаться неопознанной.

Старик задумчиво произнес, явно обращаясь к ней:

– Лиора. Верно? Значит, этот щенок всё же связан с Хранителем. Жаль, что ты вмешалась, но понимаю – у тебя не было выхода. Мне действительно жаль, девочка, ведь твоя смерть ослабит Орден.

Женщина едва заметно поклонилась, в голосе её не слышалось страха:

– Старший Пратий, – среди Волков раздались дружные ругательства, – от лица своего старшего я прошу вас остановиться. Этот юноша нужен нам. Нашему Ордену.

– Смешно. Мы с ним слишком расходимся во мнении – куда должен идти Орден. Да и что изменит ещё один выскочка из Нулевого? Скорее теперь точно знаю – мне сказали правду о том, что он вынес из города, и она не должна достаться вам. Арий!

Повелительный крик старика заставил зеленоволосого вздрогнуть и вернуть меч в ножны. Через мгновение Арий направил на меня ладони, явно намереваясь использовать что-то мощное и опасное. Но я не собирался его ждать и уже стелился Шагами над снегом, взметая его позади себя фонтанами. Лезвие, Лезвие. Если у противника нет времени завершить бег энергии по меридианам, то и опасности нет – Риквил свидетель. Покров Ария закончился. Шип. Даже это не вынудило сдвинуться с места зеленоволосого. А я почувствовал, как истекает последнее отпущенное мне мгновение. Дарсово отродье. Рывок!

Техника пронесла меня последние двадцать шагов, остановив за спиной врага. Лезвие Пронзателя заставило Ария прервать технику и отскочить, вот только почему его губы, видимые в прорезь маски, изогнуты в усмешке?

Мгновением позже я понял почему.

На меня обрушились техники всех остальных Орденцев. Я сам подошёл на расстояние удара более слабых врагов, вле-

зая в ловушку, а Рывком не воспользоваться даже с Умножением. Дарсовы умники!

Два вдоха я метался на крохотном пяточке, выпустив из тела Духовную Защиту и превратив Пронзатель в сверкающий сталью круг. Истаивали рвущиеся из земли щупальца, тихо звенели рассекаемые Лезвия и Клинки, пролетали мимо сгустки огня. Было и ещё что-то, но, к счастью, вырвавшийся за пределы тела дух справлялся со всем, что обрушилось на меня. Лишь бледнело, снова убывая средоточие. Два вдоха и поток техник закончился, наступил тот краткий миг, который есть между ними даже при использовании Умножения.

Моя очередь, Арий!

Но я не успел даже сдвинуться с утоптанного пяточка снега, как на меня рухнуло ощущение огромной опасности. Рывок тут же уносит прочь от врагов, отдаляя от них, но ничуть не уменьшая жара. Это опасность не для меня! Поняв это, но ничего уже не успевая сделать, я выругался.

Орденцы не обращали внимания на ватажников, сосредоточившись на мне. Они, но не дарсов старик. Он опять решил взяться за Волков, на этот раз в полную силу.

Вокруг убегающих поднялось огненное кольцо. Сначала Салк использовал Стальную Защиту, затем Калт внутри неё создал свою. Прямо на моих глазах пламя с высоты колена поднялось в два человеческих роста, сомкнулось над ватажниками, загудело, наливаясь синим.

Какого дарса пламя не слабеет, а становится лишь сильнее? Какого качества техника у Пратия? Или... Он – Мастер?!

Первая защита Волков лопнула с отчётливо слышимым звоном, а огонь взревел, наваливаясь на вторую. Мне ли не знать, насколько она слабее Стальной? Сердце на миг замерло, а затем навстречу ало-синему пламени взметнулась зелёная волна. Один, второй вдох схватки техник – они сплелись, закручивая красочные узоры над головами людей. Третий, четвёртый вдох, и пламя опало, побеждённое.

И только восторженный крик позволил мне поверить, кто создал это чудо и позволил Волкам и моим родным выжить: – Первый брат!

Несмотря на разделявшее нас расстояние, я отчетливо видел Мириота, замершего с поднятыми руками. Мириота с алыми глазами, который уже через миг зашёлся в кашле.

К счастью, ватажники замерли в растерянности лишь на один вдох: Вартус подхватил на руки мою сестру, Правур подпер плечом схватившегося за грудь Мириота, и Волки даже прибавили ходу, за несколько вдохов миновав полосу горящих кустов, в которых пряталась женщина. Та самая, что спасла нас из формации.

Взгляд в сторону Пратия подсказал мне, что если он и сможет дотянуться техникой даже туда, то вот создать её ещё раз не сумеет. Дрожащая рука, которой он подносил ко рту фиал, сказала мне об этом без слов. Вряд ли сжигал жизнь

для техники, как Мириот, но это противостояние ему тоже обошлось недешево.

От летящих в меня Листьев я ушёл коротким Рывком, затем ещё одним, предельным, оказавшись рядом с Волками. Взгляд упёрся в Вартуса:

– Ну!

– Мириот...

– Здесь есть, кому о нём позаботиться. Уводи моих, как обещал. Ну!

Ватажник поджал губы, бросил короткий взгляд в сторону и резко кивнул мне:

– Ты должен задержать их, иначе мы не оторвемся.

– Сколько смогу. Бегите со всех лап.

Я всё понимал. Глядя на сжатые, побелевшие губы мамы, знал, что она борется с собой и словами, рвущимися из нее. Но я останусь здесь и чем сильнее заставлю орденцев разозлиться, тем больше шансов, что они оставят Вартуса на потом, надеясь догнать его позже. Сейчас, пока Пратий стал не так опасен, у нас отличный шанс покончить с орденцами. Я еще вдох провожал взглядом закинутую на спину ватажнику Лейлу, бегающую рядом её зверюгу и развернулся к Волкам, собираясь скоординировать им нападать справа и понял, что они тоже бегут к лесу. Потрясенно заорал:

– Мириот!

И не обнаружил его головы среди ватажников. Ко мне развернулся Правур, зло огрызнулся:

– Он без сознания.

Я потребовал:

– Сражайтесь! Мы можем победить!

– С Орденом? Тебе сказали – беги.

Не глядя, отмахнулся от Лезвий, прилетевших в спину. Сейчас меня больше волновало то, что творили ватажники, Рывком сблизился с ними:

– Они убили ваших старейшин.

– Мстить Ордену? Чтобы они вырезали и Амира?

– Они сказали, что убьют всех.

Часть ватажников замерла, выбившись из ритма Скольжений, убегающие словно раскололись на две части: ко мне обернулся Салк, теперь я видел и Мириота, которого тащил на спине Рокко. Но через миг Правур рыкнул:

– Ты не Волк, верно про тебя сказала Таори. Хватит с нас бед от тебя. Бегом, я сказал!

Глядя на удаляющиеся спины, мне самому хотелось рычать, но я не мог себе позволить такой траты сил, когда в спину то и дело дует жаром очередной техники. Хорошо. Надеюсь, Вартус слышал эти крики и у него хватит ума забирать в сторону от Волков, выполняя свой контракт. А значит, орденцам придётся разбираться, где чьи следы и разделяться самим.

Отвернувшись от леса, оглядел продолжающих осыпать меня техниками, но не спешащих сближаться орденцев. Тратьте, тратьте силы. Мне интересно, сколько их у вас ещё

осталось. Мой взгляд перебегал с одного врага на другого. Нужно убить ещё одного, сделать это не сразу, а втянув их всех в схватку, пользуясь тем, что Пратий пострадал. Было бы хорошо пробиться к нему, но это слишком далеко. С Волками был бы шанс, но я не настолько хорош. Суметь бы выстоять в одиночку против стольких врагов. Мне нужно продержаться как можно дольше, ранить нескольких, затем убить одного из них и бежать в другую сторону, обратно в горы. Я оценил, как ордены растянулись цепью, намереваясь обогнуть меня на безопасном расстоянии и...

С удивлением понял, что невдалеке, не пытаясь убежать, все ещё стоит та женщина, которая вытащила нас из ловушки. Насмешливо уточнил у нее:

– Старшая Лиора, неужели вы собираетесь сцепиться со своими братьями по Ордену?

Она сняла маску, открывая красивое улыбающееся лицо, темные, пополам с голубым волосы, отбросила её в снег и пожала плечами:

– Что делать, если комтур Пратий так своеволен.

Я про себя выругался. Всё же комтур. Вот так испытание. Понятно почему Мириот опознал, кто пришел за нами. Он-то должен был видеть в лицо столь больших шишек Ордена или хотя бы знать их приметы. Понятно почему сбежал Правур. Мысли заметались, я сам пытался вспомнить кого из комтуров на моей памяти называли достигшими этапа Мастера. Был ли среди них командир всей стражи Ордена? Ра-

ди чего он сорвался к Миражному? За мной? У меня точно нет ничего ценного. За тем, что несли Волки? Если так, то они не будут тратить на меня время. Осознав это, я нагло, видя над женщиной Указы, предложил:

– Что, если мы вдвоём убьём их?

– Не зазнавайся. Ты не понял, почему тебя бросили? Пусть старик Пратий и бережёт силы, но стоит его разозлить и у нас с тобой не останется шансов.

Насмехаясь над собой, уточнил:

– Это «нет»?

– Это «нет». Да, – женщина пожала плечами, – наши отделения не ладят между собой, но кто знает, как решат между собой старшие? Мне совсем не хочется очутиться вместо зерна в жерновах.

– Жаль, – я усмехнулся. – Я, похоже, уже в этих жерновах. Но ваша помощь и без того была бесценна, старшая.

Короткий Шаг позволил мне уйти от взметнувшихся из-под снега каменных щупалец. Ощущая, как меня охватывает странное, безумное веселье оттого, что я собирался сразиться одновременно с шестью сильными орденцами, насмешливо сообщил:

– Не знаю, что там решат старшие, а я прошу у вас, Лиора, прощения за нарушение одного из законов Ордена.

В моей руке появилось древко с полотнищем. Нужна причина, по которой орденцы займутся только мной? Я дам им её. Удар надёжно вонзил древко в снег.

– Флаг Сотни Убийств. Призываю.

Развернувшееся на невидимом ветру полотнище удлинилось дымкой, которая через миг сгустилась в тёмную фигуру. Ещё долю мига я колебался с самим приказом. Когда-то Воин восьмой звезды, непривычный к бою, был призраку не по силам, но в Миражном он стал сильнее. Впервые я видел призрака столь чётко: на обычно расплывчатой фигуре я отчетливо различал мышцы обнажённого тела; какую-то тряпку, которой были замотаны его бедра; кусок доспеха на плече; длинные, развевающиеся волосы. Призрак стал гораздо сильнее. Но хватит ли этой силы против орденцев, привычных сражаться с сектантами? Возможно, это его последний бой. Бой, от которого сбежали те, кого я считал союзниками. Он не свободен, но я, глядя в провалы глаз, честно сказал:

– Мне нужно, чтобы мои родные спаслись. Никто не должен догнать убегающих ватажников. Если сможешь, то убей слабейших из врагов.

Призрак отчётливо ухмыльнулся и размазался в туманную полосу, без дополнительного приказа преграждая путь правым орденцам.

Пратий, чей голос легко преодолел разделявшее нас расстояние, едко спросил:

– Лиора, погляди, как ловко щенок управляется с Флагом. Не думаешь, что он сектант? Я, комтур Ордена, приказываю тебе, младшая, убей нарушителя.

Проклиная дарсового Пратия, я напрягся, ожидая, что

Лиора, подталкиваемая Указами верности, сейчас нападет на меня. Орденские Указы и впрямь принялись пульсировать, но женщина лишь скользнула по мне взглядом, равнодушно оглядела Флаг и призрака, а затем коротко сообщила мне:

– Сто, может быть, сто пятьдесят вдохов, и я уйду. Этого хватит твоим, чтобы оторваться и запутать следы.

Я лишь неуверенно, не понимая, что происходит, кивнул в ответ, а она тут же сорвалась влево под возмущенные крики орденцев:

– Ах ты тварь!

Пратий рассмеялся:

– Похоже, у меня будет и жемчужина, и старая игрушка Тумаса.

Я уставился вслед Лиоре. Она что, противится Указам? Этого даже я не могу. Кто она такая? Жаль не время для размышлений. Я взглянул на оставшегося мне противника. Кто бы сомневался, что это окажется зеленоволосый? Опять самый сильный враг. Дарс с ним. Если Пратий придёт в себя после алхимического зелья, то самое безопасное место будет рядом с его преемником.

Спустя пять десятков вдохов я уже не был в этом так уверен. Будь моим врагом лишь Арий, я бы убил его. Но сначала справа от призрака ко мне бросился орденец, а затем еще один и слева от Лиоры – мои помощники не сумели их задержать. Мне приходилось биться, сберегая каждую кроху

энергии в средоточии, заставляя врагов её тратить. И если Арий явно сдал, перестав использовать техники вообще, то Воины седьмой звезды, что поддерживали и защищали его, не жалели себя. Буквально вдох назад, переглянувшись, они одновременно обрушили на меня земные техники, заставив отскочить от зеленоволосого и выпили зелья. Боевую алхимию и не простую, судя по тому, с какой яростью принялись использовать техники одну за другой, чередуя их со стремительными ударами. И мысли уже не осталось о том, чтобы ранить, а тем более убить одного из противников. Сейчас я пытался выжить.

Шаг в сторону, отбить чужой меч, увести голову с пути Лезвия, ощутить, как всё тело словно охватила огромная ладонь, мешая каждому движению. В начале схватки я бы не раздумывая использовал Духовную Защиту, но сейчас замер на месте, с напряжением преодолевая сопротивление чужой техники и едва успеваю отбивать всё то, что летело в меня.

На меня навалились все трое, пользуясь моментом. Обмен ударами – даже броня Древних оказалась пробита на правом плече. Ещё одна стычка – по щеке потекла тёплая струйка. Я даже Покров не стал использовать в этот раз, позволяя врагам увидеть мою рану, почувствовать успех, удвоить натиск, заставить их сделать хоть одну ошибку. Не может её не случиться в таком сражении. Не может.

Звон клинков, в глаза летят осколки духовных техник. И синеволосый враг, пригнувшись под взмахом Пронзателя,

отскакивает от меня лишь на полшага, оглядываясь на крик справа.

Мысль как вспышка – вот оно!

Энергия хлынула в меридианы, зажигая вокруг клинка голубое обращение, удлиняя его на полшага и ладонь.

Удар.

Орденца пытается спасти амулет, но не против земной техники полагаться на подделку, едва пропитанную силой Неба. Синеволосый не успел даже вскрикнуть, как Звёздный Клинок рассёк шею, почти обезглавливая его. Маска слетела, и я без удивления опознал Глауса, попечителя дорог. С момента, как услышал это имя и заметил, как противник любит использовать Лезвия, уже подозревал – это он и есть.

Остальные двое отскочили, ошеломлённые гибелью напарника, и дали мне миг оглядеться. Призрак сумел-таки добраться до одного из врагов.

Израненный, истекающий туманом, он пошёл на отчаянный шаг. Отчаянный для любого другого – сцепился с одним из орденцев, сошёлся с ним вплотную, сплёлся в борьбе, буквально истаивая в Духовной защите, подставившись под удары второго. Чем тот тут же и воспользовался.

Вот только первый, подпустивший к себе призрака, орденец был уже считай мёртв, отдавая ему свою жизнь, залечивая ему как старые раны, так и те, что появлялись на нём каждое новое мгновение.

Хриплый, недовольный старческий голос разорвал воз-

дух:

– Флаг!

И мимо меня тут же просвистели техники.

На миг сердце дрогнуло. Но ни красный Диск, ни огромный зелёный Лист не сумели перебить древко, да и призрак никак не показал, что эти попадания по Флагу доставили ему неприятности. Хорошо ещё, что сам Пратий не ударил огненным столбом. Как сказала Лиора – если он возьмётся за нас всерьёз? Мы уже не только дали время Волкам сбежать, но и сумели разозлить врагов. Время бежать самим, пока ещё есть хотя бы четверть запаса силы в средоточии. И бежать не к Миражному вдаль и не в лес.

Рывок назад и моя рука легко выдёргивает глубоко ушедшее в снег древко. Приказ:

– Возвращайся!

Короткий взгляд в другую сторону. Лиора оттянула своего противника к лагерю Мадов и уже сражается под кроной Небесного Исполина. И это не очень хорошо, ведь мне нужно бежать в горы и тащить за собой всех орденов. Разве что... Волки трусы, но должны справиться с врагами, лишь один из которых восьмерка, если уж те на свою глупость их догонят с пустыми средоточиями. Главное – Пратий.

Протестующие меридианы вспыхнули болью, когда я толкнул в них энергию. Слишком много Круговоротов, слишком много Умножений Техник им сегодня досталось. Но Рывок послушно перенёс меня на полсотни шагов ближе

к Братьям и правее комтура Пратия. В скользящего следом за мной призрака попало несколько техник. Если большая часть безвредно пролетела сквозь, то странный огонёк прожег его тело, добавив ещё одну истекающую туманом рану.

Короткий взгляд на Пратия. Насколько он пришёл в себя после той техники? Насколько...

Он сам рассеял мои сомнения, подняв руки и обдав меня жаром от боевого предвидения. Медитация, растянувшая на несколько десятков шагов вокруг меня Сферу, в которой я ощущал опасность, дала подсказку – как бы не пытался убежать, сделать этого не сумею. Так, значит так. Короткий рык призраку:

– Убить!

Ко мне метнулись те ордены, от которых я только что сбежал. Вот только и я сам сорвался с места тем Рывком, что создал в Миражном. Точно в Пратия. Пронзатель перед собой.

Удар.

Старик Пратий остановил моё оружие, лишь подставив ладонь, на которой вспыхнул круг защитной техники. На полвдоха мы замерли.

Он, стоящий на месте и небрежно остановивший мою атаку, и я, вложивший в неё всю силу техники передвижения, которая столько раз служила залогом моей победы в схватках. Правая рука, сжатая на древке из ясеня, дрожала. Локоть левой, на котором лежал Пронзатель, пронзило болью,

едва не заставив выронить сжимаемый Флаг. А на плечи навалилась тяжесть, заставляющая подгибаться колени. Что это? Длань от Мастера или просто выплеснутая из тела духовная энергия комтура? На мгновение я почувствовал себя так, словно снова лишь один из учеников Школы, а передо мной разгневанный учитель Кадор, что решил проучить наглеца. Но ведь это не так! Я восьмая звезда. Дарсов Пратий. Неважно. Неважно десятая ли звезда у моего врага или он и впрямь Мастер. Этого недостаточно, чтобы сломить меня.

Словно отвечая мне на эти мысли, снег под ногами исчез во вспышке пламени, охватывая меня обжигающим облаком и на миг скрывая врага за клубами пара.

Но всё это время я не только терпел боль в руках и не давал согнуть себя, но и вгонял в меридианы энергию, повторяя недавний трюк. И на огонь ответил узким Звёздным Клинком, пробившим и плёнку защитной техники, и ладонь комтура. В лицо ему плеснуло его же кровью, раскрашивая бледную маску алыми брызгами. Мгновение мы глядели друг другу в глаза, а затем Пронзатель исчез в кисете, а под ноги Пратию упали два артефакта. В стороны от опасности мы рванули одновременно. Старик метнул в меня шар пламени с целой руки, а я толкнул к нему Оковы.

Через вдох, разделённые двадцатью шагами, мы выглядели одинаково: опаленные волосы, обожжённые руки, дымящаяся одежда. И по-прежнему смотрели друг на друга. Я удовлетворенно улыбался: даже для столь сильного идущего

го артефакты Огневища оказались опасны. Пратий же снял маску печали, открывая морщинистое, искажѐнное в ненависти лицо с длинными, тонкими и седыми усами, швырнул тлеющую деревяшку в снег:

– Ты будешь умирать долго, сектантский щенок, как и твой покровитель, пустивший в Орден подобную тварь.

Снова раздался крик Лиоры:

– Беги, придурок! Куда ты лезешь?!

И я побежал, отправив в созвездие Рывка энергию, чтобы через мгновение выругаться. Лишь в самый последний момент едва сумел выплеснуть большую часть силы не в последний узел техники, а в пустоту меридиана. Только поэтому и не разбил себе голову о полупрозрачную стену, вставшую на моём пути. Не знаю как, но отчётливо понимал, что главной опасностью для меня стал бы удар о неё. Пратий за спиной заклокотал, выплёвывая слова полные ненависти:

– Куда это ты собрался? Думаешь можно убить моих людей, потом напасть и на меня, ранить, а затем сбежать? Сопляк, что ты о себе возомнил?!

В это мгновение до нас добрался израненный призрак, чей Флаг я всё ещё сжимал в левой руке. В первый миг подумал, что он нападѐт на Пратия, выполняя прошлый приказ, и уже хотел остановить. Но туманная фигура, истекающая серым дымом из многочисленных ран, промчалась мимо. Мимо комтура, мимо меня, сжалась, становясь едва ли не на две головы ниже, спустя миг впечаталась в преграждающую путь

стену.

И пронзила её насквозь, оставив позади себя проход в технике.

Удивление не помешало мне снова использовать Рывок, чтобы рвануть за преграду. И на этот раз сбросить энергию из техники я не успел, врезавшись в Пратия, что оказался между мной и спасительной дырой. Из меня выбило весь воздух, оглушив. Флаг отлетел в сторону.

Первый вдох отозвался болью, заставив закашляться, выплевывая на снег кровь. Появившийся рядом призрак выглядел ничуть не лучше: черты его лица расплывались, не позволяя даже понять, чьи глаза на этот раз глядят на меня, а тело оказалось полностью окутано клубящимся серым туманом. Я сумел прохрипеть:

– Вернись во Флаг.

Первым движением дотянулся до древка. Вторым встал на колени. Третьим убрал Флаг в кисет. И только затем оглянулся.

Двоих орденцев лениво отгоняла от нашей схватки Лиора, двое, включая зеленоволосого, стояли в двадцати шагах от меня и Пратия. Столкновение, которое растратило на Покров все мои силы, внешне никак на нём не сказалось – он как раз выливал на ладонь зелье, и, встретив мой взгляд, спросил:

– Сколько сектантских отродий проникло в Орден? Как старый хрыч сумел протащить вас мимо формаций? Ответе-

чай, и я обещаю, что смерть твоих близких будет быстрой, иначе живьем спущу с них шкуру.

Услышав опять эти глупости, я едва не рассмеялся, собираясь сказать, что Пратий на старости лет сошёл с ума. Как наш тайный выход из Миражного, выход на месяц раньше срока превратился вот в это? Чего все они хотят от нас? Сначала какие-то старые счёты, затем непонятная жемчужина, теперь же и вовсе какие-то сектанты. Они тут все сошли с ума? Вот только вместо смеха я лишь закашлялся кровью.

Пратий, зачем ты угрожаешь моей семье, тебе уже её не догнать. Или... Я похолодел от пришедшей в голову мысли – не зря я опасался лишь его в погоне. Он слишком силен, одна его скорость, когда он взялся за меня всерьёз чего стоит. А раз Лиора ещё здесь, то те самые сто пятьдесят вдохов ещё не вышли. Как быстр может быть этот Пратий в беге по лесу? Сколько у него осталось в средоточии? Чем он остановил мой Рывок? Просто Покровом и Опорой или земной защитной техникой? Старая тварь. Хорошо. Ты хочешь сектанта? Ты его получишь.

Я снова выплюнул скопившуюся во рту кровь и прохрипел:

– Раз уж всё дошло до моего раскрытия, то зачем притворяться и дальше? Встретить в лесу того, чью маску я сейчас ношу, было великой удачей, не зря уродливый Чжань, да проживёт он ещё четыреста лет, сулил мне её, запихивая в пробой ваших границ. Но что толку от угроз тем, кто мне

никто?

Пратий задумчиво протянул, оглядывая меня:

– Так ты из Змей.

– Ха! А ты о нас знаешь и думаешь испугать смертью меня, внешнего ученика секты, единственного выжившего из десятков принятых? Я уже сделал здесь столько, что мое имя сообщат самому Инголу!

Зеленоволосый, так и стоявший в отдалении, не выдержал:

– Старший, позвольте, я заткну его? Его лживому языку верить нельзя. Достаточно он сегодня всем здесь морочил голову.

Пратий кивнул:

– Ты прав, Арий. Нужно отделить правду ото лжи. И я отлично знаю, что лучше всего это делает огонь.

Старик поднял руку, и я закричал. Толку от того, что я видел жест и вспышку летящей техники, если ни сгорбленная поза, ни остатки сил не позволили мне избежать удара. Я-то попытался, но огненная стрела все равно вонзилась в правое плечо и даже не думала исчезать, застряв в нём и продолжая пылать.

Одно мгновение, два мгновения, вдох. Наконец, я сумел сжать зубы, обрывая крик, сосредоточиться и собрать остатки тумана силы, вокруг сжигающей моё тело техники. Она исчезла, вот только боль меньше не стала. Я видел духовным зрением, как в плече продолжали вспыхивать язычки пла-

мени, а туман силы редел, не в силах их потушить. Дарсова техника! Она что, с духовным ядом? Я схватился за пояс с фиалами, плеснул на рану одно, потянул из кармашка другое и замер, услышав насмешливый вопрос Пратия:

– Зелья Восстановления? Ещё и наше, орденское? Отличная шутка, даже я бы не придумал лучше. Давай, давай, сектантский выродок, сделай свою боль вдвое сильнее, только не сдохни от этого.

Зеленоволосый Арий тоже подал голос:

– Пока он не ответит на ваши вопросы, старший, этот путь для него закрыт.

Я с ненавистью покосился на орденца. С его стихией Деревя в этом нет никаких сомнений, наверняка собирается лечить меня. Да и на самом деле Пратий прав, не сейчас принимать такое зелье. Скосил глаза, оглядывая себя уже в действительности, а не духовным взглядом – здесь огня не видно, обугленная рана почти не кровит – у меня будет ещё время. Время, которое я выиграю для Вартуса. Хватит ли ему честности продолжить выполнение контракта после моей смерти? Подгоняя меня, Арий повернулся, отдавая команду:

– Ландор, Зомаст – на остриё. Все вместе на Лиору, убейте предательницу Ордена, затем в погоню за ватажниками. Никто не должен уйти.

Рука сомкнулась на фиале с простой на вид пробкой. Сейчас я жалел, что это не Зелье Последней Ярости. Мне бы оно

пригодилось куда больше.

Послышался отчаянный крик Лиоры:

– Стойте! Это ошибка! Он не может быть сектантом.

Пратий отмахнулся:

– Я бы мог поверить, что хитрец Тумас снабдил его из ваших запасов, даже приберёг набор Костей Скорбной Смерти. Взял и отдал их ему, – с непонятной издевкой протянул. – Он ведь известный добряк. Но как ты объяснишь столь сильного призрака Флага? Призрака, что без команды жертвует собой, пробивая мой барьер? Он сектант и раб считает его своим хозяином.

– Этого не может быть! Сектант не смог бы выжить в Миражном.

Пратий вскинул руку:

– Стойте!

Глава 4

Указы над головой Пратия налились, мигнули, сам он оглядел меня, задумчиво протянул:

– Я удивлён, да. Не сектантский выкормыш? Просто Тумас нашёл талант, что может открыть город, не отдал его Ордену, но вручил наши техники, запасы утаённых артефактов, сказал куда идти, послал с ним Волков. Возможно, возможно...

Происходящее напомнило мне сцену в Павильоне Техник Школы, когда передо мной беседовали учитель и старейшина, с точно так же волнующимися орденскими запретами над ними. Ободренный, я замер, не вмешиваясь в размышления врага, боясь сбить того с дороги, на которую толкнул его крик Лиоры. Вместо этого я потянул к себе силу Неба, борясь с пляшущими в теле огоньками, не особо вслушиваясь в бормотание над головой.

– Да, чего у него не отнять, так того, что он умеет строить планы. Даже странно, что Раут про это пронюхали. То, что они хотели убрать Киртано, я могу понять, но откуда они узнали...

Арий жестом вернул Воинов и негромко вмешался в размышления комтура:

– Они ещё и прислали сюда на смерть своих Мадов. Мы бы их не отпустили всё равно.

– Верно. Это имеет смысл только, если они решили сменить одну ватагу на другую, да ещё и усилить её, вычистив Гряду и от Мадов, и от Тигров. Ай-я-яй. Кто же у нас не любил этих ребят?

Арий недоверчиво спросил:

– Старший, вы думаете, что про выход сказали сами Волки? Но мы же их...

Пратий рассмеялся:

– Не более чем случайность. Ошибка в планах. А так волчонок молодец – стать главой сильнейшей ватаги Гряды, да ещё и уйти под руку одной из Семей. Тумасу впору его ставить на своё место вместо Равоя. Впрочем, неважно. Плану Тумаса всё равно конец вместе с парнем.

Что? Я медленно поднял голову, отрываясь от борьбы с духовным ядом. Не вышло. Что же, я взял достаточную плату за свою жизнь и выиграл столько времени, сколько и не рассчитывал, начиная эту схватку – преследовать Вартуса просто глупо. Снова закричала Лиора:

– Да погодите, старший! Он талант, он вышел из города, Ордену его нельзя убивать! Нам даже появляться здесь нельзя! Это запрещено! Да поглядите же на его броню!

Воины, окружившие нас со стариком комтуром, переглянулись. Один из них и вовсе оглядел кромку леса. Но и только.

– Правила. Верно. Ведь ты сама не зря пришла сюда в маске? – Пратий провёл ладонью по лицу, скрывая его на миг. –

Глупая уловка, но ведь никто не остановил нас, не наказал. Похоже, что Миражный сейчас остался без внимания. Но ты права. Я слишком увлёкся. Не будем рисковать, так сильно нарушая правила. Возьмем жизни его родных за жизни моих людей. Справедливо, а, девочка? Жаль, что их всего двое, – тихо пробормотал Пратий, так что услышал лишь я. – Может, мне стоит и впрямь содрать с них шкуры, а?

Я с ненавистью уставился в выцветшие глаза Пратия. Дарсова Лиора, что ты плетёшь? Ради чего я старался? Ради того, чтобы они и не думали гнаться за мамой и сестрой. Рука легла на пояс. Сейчас сам убью себя, раз так, но что, что мне сказать, чтобы орденцы и думать забыли про моих родных?! В голове мелькнуло воспоминание, и я заорал, срывая голос: – Жалкие твари, каждым днём жизни множащие свои преступления против бессмертного Ингола! Ваших жалких жизней не хватит, чтобы оправдаться за разрушение его планов! Умрите!

Мелькнула, отлетая в сторону, сорванная большим пальцем пробка, резкое движение и зелье, которое я успел достать мгновение назад, хлынуло в рот.

Кипящая Кровь. Когда-то, на пути сюда, Медведь вынудил меня принять Кровавый Пот, зелье, которое усиливает тело Воина на двести вдохов, заставляя его превзойти пределы возможностей. Сейчас я проглотил то, что орденские алхимики сделали, улучшив это зелье. Состав, который не только заставит моё измученное тело забыть об усталости и

ранах, но и наполнит его силой Неба. Цена? Она не важна. У меня двести вдохов, пока моя кровь кипит от заёмной силы. Выпуская из ладони фиал, я начал счёт вдохов.

Один.

В горле, в желудке вспыхнул огонь, словно я проглотил кипящее варево.

Только этого мало.

Толчок энергии в короткий сердечный меридиан.

Огонь из желудка рванул к сердцу, а затем ещё глубже в тело – в жилы, заставляя корчиться от новой боли, разрываться между ней и старой, выбирать какая из них сильнее.

Неважно что кричат орденцы, неважно что за техники направлены в меня. Купол Льда разлетается брызгами и паром, когда в него врезается пламя Пратия, но меня под ним уже нет.

Три вдоха.

Огонь в жилах словно завершает круг и рвётся к центру тела, внезапно превращаясь в энергию. Боль дополняется дрожью в мышцах, но не той, которая делает их слабее, а той, что заставляет дикого зверя сорваться в стремительный Рывок, и дрогнувший Пронзатель промахивается лишь на ладонь, распарывая не горло, а плечо рванувшего в сторону Ария. Правая рука почти не слушается меня, с трудом перехватываю древко для зацепа крюком...

Удар в спину. Меня отбрасывает от Ария, я лечу лицом в снег, зарываюсь в него, едва не распоров горло своим же ору-

жем. Пронзатель исчезает в кисете. Вывернуться,неважно, что меридианы стонут – от готовящейся упасть на меня опасности, здесь должен таять снег, так велик жар. Короткий, быстрый Рывок в сторону. В спину ударяет тугой, обжигающий туман. Похоже, и впрямь весь снег превратился в воду. Рывок в сторону гор. Такой длинный, который я только могу выполнить, оставляя за спиной крики орденцев.

Я использовал технику, направив свой взгляд чуть вверх по склону, проносясь на ладонь выше снежного покрова, но едва Рывок закончился, и я провалился по бедра в сугроб, как тут же понял, что бежать по прямой – плохая идея. Опасность я почуял ещё в воздухе, но единственное, что успел сделать – вытолкнуть из себя туман силы. То, что прилетело мне в спину, по большей части исчезло бесследно, но толку от моей заёмной силы и ловкости, если энергии в средоточии – на дне? Часть техник снова проверила меня на прочность.

И этого не выдержала даже броня Древних. Похоже, на тренировках никто не бил раз за разом в одно и то же место, никто не применял в детских схватках боевые техники в полную силу. В этот раз техника не только снова опрокинула меня в снег, но и заставила закричать от боли. Впрочем, я тут же подавился этим криком, когда в горло хлынула кровь.

В сторону.

Десять вдохов.

С трудом, увязая и оскальзываясь в глубоком снегу, выпрямился достаточно, чтобы быть уверенным в том, что Ша-

ги не сорвутся. Два шага влево, два прямо, один вправо, один прямо к Братьям. Пусть снег украл большую часть силы, вложенной в движение, пусть техника, выполненная из неверной позы, обжигала меридианы болью, но это было гораздо лучше, чем остаться под градом тех ударов, что обрушились туда, где я только что был.

Шаг. Шаг. Я метался из стороны в сторону, ускользя из-под ударов, но видя, как справа и слева гигантскими Рывками меня обходят два ордена, которым не нужно уворачиваться от техник и которых не сковывает снег. Зато могу я.

Оковы.

Тот из врагов, что слева, с тёмными волосами покрылся льдом в самый первый миг нового Рывка и кубарем улетел в сугробы, вздымая фонтаны снега.

Шаг. И я едва ускользнул от трёх голубых сгустков, что прилетели от правого врага.

Шаг. И я врезался в скрытую под снегом каменную глыбу, а техника сорвалась.

Дарсовы отродья. Сила в средоточии снова плескалась на дне. Дарсов снег. Кипящую Кровь, похоже, нужно применять в самом начале боя, слишком мало оно даёт мне силы. Дарсова алхимия.

С рыком поднялся, оказавшись едва ли не по пояс в снегу. Впереди, там, куда должна была перенести меня техника движения, пылал огненный столб.

Я усмехнулся. Комтур использует техники редко, а я сно-

ва разминулся со смертью, которую даже не ощутил в момент Рывка. Сплюнул кровь. Вот только что толку? Тоскливо оглядел заснеженный склон. Неужели все, что я выиграл – эти сто шагов и здесь мне придется умереть, да ещё и так бесполезно?

Двадцать вдохов.

С трудом, безо всяких техник, преодолевая боль в груди, оттолкнувшись от покрытого моей кровью камня, отпрыгнул в сторону, пропуская мимо себя очередные простые Лезвия, что вспороли снег дальше по склону, буквально разбрызгивая его поверхность искрящимися потоками.

Водомерка!

Мысль вспыхнула в голове, заставляя лихорадочно рисовать перед собой обращение. Надежда очень слабая. Больше того – она безумная. И всё же. Символ Воды сменился символом Льда. Полвдоха и все остальные тоже заняли своё место в круге. Ещё полвдоха и техника буквально вытащила меня, погрязшего в сугробе, из него и поставила на снег. Ещё спустя миг я уже бежал прочь, резко сворачивая из стороны в сторону и уклоняясь от техник. Двадцать шагов, много это или мало? Мне, чтобы спастись от летящей в меня смерти – хватало.

Резкий поворот влево, один шаг вперед, перепрыгивая взметнувшиеся из-под снега серые щупальца, пригнуться на ходу под мелькнувшим сгустком, ещё один шаг по ощущаемой твёрдой поверхности под ногами. Сейчас!

В сторону нагонявшего меня орденца уносится голубая волна, перехватывающая его через мгновение после использования Рывка. Вскрик и враг зарывается в снег, который тут же начинает оседать вниз по склону, утягивая за собой барахтающегося в нём врага.

В технике Водомерки вдвое больше узлов, чем в Лезвии второго созвездия, но сил оно тратит ненамного больше. На седьмой звезде я мог двадцать пять раз использовать Умножение техник. Сколько я сумею сделать сейчас, когда подгоняет смерть, в горле клокочет кровь, а использовать зелье лечения означает потерять сознание?

Этого я не узнал. Не выполнив Водомерку и десяти раз, сумел оторваться от орденцев настолько, что даже комтур не доставал меня своими техниками. Провалившись в рыхлый снег выше колена, до твердого слоя, я позволил себе три вдоха отдыха, а затем на остатках духовной энергии использовал подряд два Рывка.

И обернулся.

Враги и не думали останавливаться. Карабкаясь по склону против потока сползающего снега, Рывками перескакивая от одного камня к другому, меня преследовали все, даже Пратий и раненый Арий. Это мне и нужно. Пусть моё сердце было полно решимости спасти семью ценой своей жизни и до последнего вдоха заставлять бежать за собой орденцев. Однако я всё же хотел, чтобы моя смерть не была подобна смерти загнанного животного. Безразличие, охватившее ме-

ня недавно, отступило, сменившись кипящей в жилах кровью. Как бы то ни было, но умру я в схватке. Нужно только, чтобы меня продолжали гнать. И я напоказ схватился за грудь и принялся сплевывать кровь, тяня время.

Сорок вдохов. Орденцам осталось лишь чуть больше, чем один их Рывок.

И я, рыча не хуже того самого зверя, побежал вверх, туда, где уже виднелся изгиб склона, позволяя иногда отправлять в меня техники.

Пятьдесят вдохов.

Как бы ни действовала изменённая Водомерка, но я продолжал давить на снег. И когда корка, по которой я бежал, вдруг начала проседать на десять шагов в стороны, рванул правее, к отвесной скале, что поднималась на сотни шагов к небу.

Вовремя. То, что я принимал за надежную опору, то, что выдержало спуск всех Волков, на моих глазах с гулким, раскатистым звуком осело вниз, сползая огромной волной. Жаль, что сейчас. Если бы это случилось чуть ближе к орденцам, то кого-то из них могло бы утащить вместе со снегом.

Шестьдесят вдохов. Вершина подъема.

Между двух огромных, торчащих из снега камней, я остановился, позволяя меридианам Водомерки остыть, а орденцам приблизиться. В задуманном деле загнанной добыче нельзя далеко убегать от охотника, ведь он может отправиться за более медленной.

Отсюда, с высоты, на которую мы успели забраться, отлично были видны Небесные Исполины, среди которых давно скрылись мои родные. Дайте им только выбраться за пределы снежного покрова и ни один орденец не найдет ватажников в лесу, в этом Лиора права.

В меридианы хлынула энергия, наполняя их силой до предела. В руках уже крепко сжат Пронзатель, вновь выхваченный из кисета. Вокруг лезвия вспыхивает обращение, и я с натугой, преодолевая боль в плече, рассекаю оружием воздух перед собой. Вот только его сталь сейчас длиной не в локоть, а в десять шагов. Звездный Клинок испарывает снег передо мной, я ощущаю, как техника легко проходит сквозь него, как рубит камни, лежащие под его слоем. Гулко ухает. Огромный пласт снега, подрубленный мной, начинает скользить вниз, набирая скорость. Отлично. Я и впрямь сумел своими руками создать эту штуку. Попробуйте это.

Шестьдесят пять вдохов.

Снежный вал накрывает орденцев. Вдох я вглядываюсь в клубы сверкающей на солнце пыли.

Шестьдесят шесть.

Завесу рассекает одна, другая фигура. В её глубине вспыхивает огненный шар. На почти голый камень, обнаженный убежавшим снегом, приземляется ещё одна фигура в сером плаще.

Всё ясно. Не так-то просто убить Воина, обладающего техниками передвижения и защиты.

Семьдесят.

Четверо. Противников стало всего на одного меньше. Вот только оставшиеся – самые сильные из орденцев. А главное – они полны желания и дальше преследовать меня. Сейчас склон лишился снега, и Рывки несли их ко мне в полную силу, стремительно сокращая расстояние.

Семьдесят два.

Я развернулся, оглядывая пологий путь, по которому не так давно шёл с ватажниками. Теперь мне придется бежать первым и вниз. Стоит кому-то из преследователей потревожить снег техникой, и он обрушится уже на меня. Плохо. Успею ли я миновать эти две тысячи шагов вниз, а затем вверх к новому подъему до того, как закончится зелье? Принимать бой под валом несущегося на меня снега – плохая идея. Если только не воспользоваться трюком орденцев и не прорваться через него назад, на чистые камни.

Сто шесть вдохов.

Остановился, когда опустело Средоточие, потратив всё, что дало мне зелье. Снова использовать сжигание жизни не выйдет. За тот короткий миг, что я вливал энергию в сердечный меридиан, я разменял несколько лет жизни на прилив силы Неба. Но доводить дело до конца не стал, чтобы не убить себя на том же месте, теперь же этот меридиан даже не запечатался, а вовсе истончился и почти исчез. А за спиной всего лишь четверть отмеренного себе пути. Дрожали все мышцы тела, заставляя меня даже сейчас подпрыгивать

на месте и сжимать кулаки, словно они обрели свой разум и в нём билась лишь одна мысль – двигаться, двигаться.

Обернувшись, увидел, что всё идет так, как мне и надо – орденцы не отпускали меня и даже догоняли. Они долгие годы тренировали Рывок. Высокое созвездие, познание техники на уровне постижения. Сейчас им ничего не мешает использовать его в полную силу и на полную дальность. Дарсов Арий, дарсов Пратий и все, кого он привел с собой! Будь у меня ещё хотя бы месяц в Миражном, и неизвестно чем бы закончилась эта наша встреча. Дарсов Мириот и Правур. С ними я бы просто заставил орденцев умереть на этом снегу. Ненавижу вас всех, твари.

Зашёлся в хриплом смехе, ощущая, как боль разрывает грудь, как разгораются язычки пламени в плече, пользуясь тем, что силы в теле почти не осталось. Опустил взгляд на капли крови, что срывались на снег с пальцев правой руки, и добавил к ним кровавый плевок. Дарсовы отродья.

Сто десять. Кипящая кровь принесла немного силы в средоточие. Пора.

Отвернулся и сорвался с места, вкладывая в каждый толчок от поверхности снега всю силу желающих бега ног, скупно отправляя в меридианы энергию, не позволяя ей рассеиваться в тело. По жилам тек огонь, но я не обращал на него внимания, заставляя себя рваться вперед. Мне бы оторваться от орденцев, не дать ударить себя в спину. Я мчался прочь, на этот раз чередуя Рывок и Водомерку.

Сто двадцать шесть вдохов.

Едва очередная техника Водомерки закончила действовать, и я, хрипя от напряжения, провалился в плотный снег по обрез сапог, как тут же сделал самый обычный шаг в сторону, пропуская мимо плеча огненный шар. Здесь? Пора?

Быстро огляделся, щурясь от ослепительной белизны. Можно и здесь. Уже потянулся к кيسету за Пронзателем, как позади раздался знакомый гулкий звук, похожий на резкий выдох великана. Быстро обернувшись, я увидел замершие в шестидесяти шагах позади фигуры и огромный вал снега, что начал подниматься надо мной. Дарсовы отродья!

Вперёд к ним? Или?

Я замер на миг, а затем повернулся к валу снега спиной. В полусотне шагов впереди поднимается целая шеренга огромных острых камней – можно успеть проскочить за них и укрыться. А уж там забрать с собой этого дарсова зеленоволосого Ария. Меня накрыло снежной пылью, мчащейся облаком перед основным валом.

Рывок. И я выскочил из него. Камни уже близко. Водомерка. Но не успел сделать даже половину шагов этой техники, как снежная поверхность под ногами дрогнула, подалась вниз, а затем и вовсе рухнула, лишая меня опоры и заставляя вскрикнуть от боли сорванной техники. Вдох я падал, заваливаясь лицом вниз, переворачиваясь в воздухе, бессильный хоть что-то сделать, но едва боль срыва утихла, как толкнул туман силы в меридианы и средоточие, заставляя умножить-

ся ещё запечатанный Рывок. Туда, вверх, к обнажившемуся из-под снега каменному обрыву.

Неверная поза, которая и должна была задавать направление Рывку, подвела меня. К дарсу боль от выполненной с нарушением техники. Я промазал мимо края снежного пласта, врезавшись в камень на добрых четыре шага ниже и выбивая из себя не то что воздух, но и дух. Удар о скалу грудью отдался в ней такой болью, что за жизнь, падая вниз головой, я цеплялся, ничего не видя — в глазах потемнело.

Но спустя два вдоха, когда зрение вернулось, я всё ещё не упал в пропасть, а был жив, цепляясь окровавленными руками за выступ. Не веря в это, огляделся. Тут и там испещренный трещинами бугристый камень, за который я и ухватился, сдирая ладони об острые сколы. Под ногами ещё шагов сто пропасти. Вот только теперь и обрыв нависал над головой уже шагах в двадцати выше. Невольно я проследил отмеченный кровью путь своего падения. А затем небо надо мной заволокла снежная пыль.

Дарсовы орденцы, да меня сейчас сметёт на дно потоком снега, а я даже не дотянусь до них сталью!

Вверх? Нет. Снежная пыль вылетела с этой стороны. Меня развернуло в падении, и я оказался там, откуда бежал. Не успею уйти от снежного вала, Рывок вынесет меня точно под его удар. Я снова лихорадочно огляделся, на этот раз в поисках выступа, который прикроет меня от приближающейся смерти. Куда? Куда? Взгляд зацепился за пятно на скале.

Вот! Вон туда – правее на двадцать шагов и на пять выше. Выступ и расщелина, достаточная, чтобы я в неё поместился.

Я оттолкнулся от стены, разворачиваясь в воздухе всем телом и опуская руки вдоль него. Рывок.

В этот раз вышло почти идеально. Техника буквально вбила меня в трещину скалы. Но я впечатался в камень раненым плечом и едва не потерял сознание. Снова ничего не видя вокруг, укусил себя за язык раз-другой, с ужасом представляя, что так и умру в беспомощности.

Поддействовало – темнота сменилась алыми разводами, а затем я увидел серый камень. С трудом развернулся, с новой вспышкой гнева ощущая, что рука совсем перестала меня слушаться. Как я буду держать Пронзатель? А затем гнев сменился страхом – сколько уже миновало вдохов?

Неважно. Ещё не мой срок. Ведь даже снежный вал еще не догнал. Может быть десять вдохов миновало.

Словно отвечая на мои слова, сверху обрушился снежный поток, заваливая меня. Похоже, я ошибся, оценивая убежище: и выступ надо мной оказался не так широк, чтобы прикрыть, да и сам этот кусок обрыва выдавался вперед, подставляя меня под поток снежного водопада, словно на ладони.

На плечи и грудь обрушилась тяжесть, выдавливая воздух, утрамбовывая глубже в расщелину, в какие-то её неожиданные глубины, словно пытаясь протолкнуть моё тело сквозь камень, раздвигая его с моего пути.

Пришлось применить Покров, ощущая, как из меня буквально выдавливают и силу, и жизнь. Два вдоха, четыре, десять вдохов и тяжесть уменьшилась. Ничего не видя, использовал технику силы и ударил головой, проминая снег. Сделал вдох в горящую грудь, рванулся всем телом, отталкиваясь спиной от камня и высвобождая себе хоть немного пространства. Ещё раз, пока техника не закончилась. Видно было плохо. Меня развернуло боком, но полученного после рывков места хотя бы хватит, чтобы вытащить меч. Действующей рукой я достал взятый у мамы цзянь Воина Тарсил и замер, не успев ударить по снежной преграде.

– Он что, сдох?

Этот голос был мне незнаком, но вот во втором я узнал Ария:

– Быть того не может.

Я оскалился в темноте – конечно не может, и сейчас это тебе докажу. Но через миг снова замер, не успев ткнуть мечом и даже сдерживая хриплое дыхание от пришедшей в голову мысли. А что, если может? Одно дело встретить врагов на просторе и с Пронзателем в руках, совсем другое – прогрызаться сквозь снег, словно червяк у них под ногами. Кто даст мне выбраться наверх? Нет. Подняться-то мне дадут. Но что я буду делать там с одной рукой и с пустым средоточием?

– Технику Поиска, живо!

Кто будет её использовать, и что она будет искать? Силу, как мой Поиск разведчика? Жизнь, ведь там наверху зеле-

новолосый? Что?

Мгновение я колебался и решил положиться на удачу. Меч исчез в кисете, а освободившаяся рука помогла нарисовать круг: «Ограничение. Закалка. Двенадцатая звезда». Не опирайся я спиной на камень, и навалившаяся слабость заставила бы меня рухнуть. Слабость и боль от вспыхнувшего в плече огня. Я стиснул зубы, удерживая в себе крик. Ощущил, как на плечи рухнула тяжесть, заставляя подогнуться колени. Это что? Давление могущества от стоящих недалеко Воинов?

Время, истекая, тянулось так, словно каждый вдох, что его отмерял, сжигал меня изнутри. Наконец, сверху глухо, едва слышно раздалось:

– Здесь только трое Воинов. Похоже, парень сдох.

– Что мне твой Поиск Могущества? Ищи всё, что здесь хотя бы вступило на путь Возвышения! Того, что сотворю с его родными, мало! Я хочу сначала содрать шкуру с него и получить ответы. Получить жемчужину! Найди мне его. Живо!

– Прошу прощения, старший Пратий.

Я усмехнулся. Не вышло. Жаль. А ведь на миг даже поверил, что смогу выжить. Неважно. Главное, что дал родным время с запасом. Как бы ни грозил Пратий, сомневаюсь, что даже он сумеет догнать их. Теперь я и не подумаю подниматься наверх. Сами доставайте меня. До конца действия зелья остались считанные вдохи. Я ещё погляжу, как вы будете

меня откапывать отсюда и тратить время. И всё же жаль, что так вышло, жаль, что все наши планы так и останутся мечтой. Во всяком случае, в землях Шепчущего мама и Лейла должны хорошо устроиться и без меня. Теперь у них есть деньги, опыт и Возвышение, которое дает право жить здесь. Только меня с ними не будет.

Но в крови все еще бурлило воинское зелье, заставляя жалкую Закалку стискивать зубы, чтобы не кричать от боли. Оно, предназначенное для боя, а не для смирения, рвалось из тела движением, действием.

Или? Ещё одна попытка спастись? На этот раз совсем безумная?

В голове мелькали, путаясь от боли, мысли.

На путь к Небу вступают после третьей звезды. Или сразу после рождения? Я могу наложить на себя даже такой Указ, вот только отлично помню, как умирал под подобным ограничением с промятой головой. У меня в спине дыра, и я жив лишь потому, что моё тело закалено испытаниями и ранами. Тело Воина, идущего к Небу вместе с душой. Даже сейчас, на двенадцатой звезде Закалки я, возможно, умираю от этой раны, а что будет на первой?

Неважно.

Рука метнулась к поясу, стряхивая снег. Коснулась горловины кисета. Это, это, это и вот это зелье. Пробки прочь, в кулаке, едва помещаясь в нём, фиалы появились уже без них. В рот хлынули зелья, а в Указе сменился один символ и до-

бавились два других. Тяжесть на плечах стала невыносимой, казалось, она сейчас раздробит кости, сомнет меня в ком, я не мог даже вдохнуть, даже застонать – не осталось на это сил. Всё тело пылало болью, словно с меня и впрямь сняли кожу на радость Пратию. Сверху слышалось:

– Здесь кто-то есть!

Дарсово отродье! Но стереть Указ я уже не успел, боль и тяжесть стали слишком сильны, мир погас и всё стало неважно.

Глава 5

Не знаю, сколько пролежал, прежде чем очнулся. Но сделал я это в кромешной темноте, заставившей испуганно вскинуться, тревожа раны. Да и это вышло едва-едва: ощутил, что скован по рукам и ногам, что даже голова шевелится еле-еле, но не из-за слабости, а словно зажатая могучими руками.

Захрипев, дёрнулся изо всех сил, не обращая внимания на боль, а лишь ощущая, как поддаются оковы, стягивающие меня. Затем рванулся ещё и ещё раз, расцвечивая темноту цветными кругами перед глазами от запредельных усилий. Рывок на шаг вперёд, вслепую, раньше, чем ощутил теплоту опасности. И он не дал мне свободы, а лишь заставил задохнуться от боли в теле и правом плече. И только спустя два удара сердца, когда я сумел втянуть в себя странно тяжёлый воздух, ощутил, что левая рука стала свободна. С трудом подняв её и ошупав преграду перед собой, успокоился, наконец сообразив и где я, и что происходит, и что сковывало меня всё это время.

Символами времени в Указе я отмерил себе триста вдохов ограничения Закалкой первой звезды. Младенцем, который только появляется в нашем мире: слабым, беспомощным, ещё не вступившим на путь к Небу, а только пользующимся его первым даром – меридианами первой звезды. Так

считал я, так писали в наставлении, выпущенном вольным городом Морозной Грядой, считая путь Возвышения только с третьей звезды и десяти лет ребёнка.

Судя по тому, что я всё ещё был жив, всё ещё был замурован снегом в расщелине – мне всё удалось. Вот только почему? Ведь последнее, что помнил: крик – меня нашли. Они не сумели спуститься? Чушь. Даже Закалкой я поднимался на Палец в пустошах за деревней, а здесь было четыре могучих Воина, обладавших техниками передвижения. Или... Они лишь собираются спуститься ко мне? Именно сейчас?

Я замер, оглушённый этой мыслью. Триста вдохов – это очень много для того, кто истекает кровью, но очень мало для, разозлённых смертями своих братьев, орденов. Но сквозь пробку запечатавшего меня снега не доносилось ни звука. Никто наверху не разразился восторженным возгласом, услышав мои стоны и хрипы, никто не торопился добраться до меня, поняв, что я пришёл в себя.

В тот миг, когда решился на безумный поступок, я не мог применить на себя технику лечения, но вот зельями залился щедро: Огонь Жизни, Духовная Роса, два Заживления Ран. Пусть через несколько мгновений потерял сознание от боли, но бурлящих в жилах алхимических составов хватило на то, чтобы выжить. А ведь в этом тоже был немалый риск. Военские зелья были проглочены сильным Воином, но уже через мгновение оказались в желудке слабейшей из Закалок. В подобной ситуации Ориколу выжгло средоточие. Пусть мои зе-

лья не содержали ни капли энергии Неба, но мне могло хватить и удвоенной боли от ран.

Сначала миновал первый миг испуга, затем улеглась радость от того, что не истёк кровью за эти долгие вдохи ограничения. После рассеялись тревога о врагах и удивление от того, что выжил. Только теперь я сумел сообразить, что заставило меня очнуться. Холод. Всё тело была неудержимая мелкая дрожь. Будь здесь свет, не удивился бы, увидев на себе корку льда, словно сам в себя вонзил Шипы третьего созвездия. Не помогало даже то, что теперь я утрамбовал снег, отодвинув его от себя, тело всё равно едва слушалось, скованное холодом. Я хрипел ещё и потому, что не мог разлепить толком губ. Да я лица не ощущал, впрочем, как и пальцев.

Какие ещё триста вдохов беспамятства? Могу поклясться, что миновало во много раз больше времени. Зелье Кипящей Крови можно принимать только тогда, когда рядом есть те, кто примет на себя заботу о тебе, укроет за своей спиной, позаботится о беспомощном теле после двухсот вдохов его действия. В аукционном доме, где расхваливали перед молодым господином товар, мне говорили, что в первый день Воин не сумеет поднять даже руку от постели. Я же оказался способен на большее. Это что? Прошло больше суток в этом снежном плену?

Впрочем, попытавшись ещё раз ощупать преграду перед собой, я действительно не сумел поднять руку. Силы слов-

но улетучились. Сейчас я ощущал себя так, будто Указ и не исчез, по-прежнему ограничивая меня, даже дышалось с трудом. Недоумевая, скосил глаза. Сначала на плечо, а затем вверх. Зря. Ведь не было видно красного отсвета. Скорее всего, я просто истратил все силы в недавних рывках, ведь последствия от приёма зелья Крови не могут исчезнуть бесследно. Нужно немного подождать и силы вернуться. Это будет несложно, ведь уже не так холодно, да и дрожь стала меньше. Даже тянет в сон.

И вот эта мысль заставила вздрогнуть. Какой ещё сон? Сейчас? Что со мной? Ответ пришёл в голову почти сразу, с очередным натужным вдохом. Умираю. Не спасают и зелья. Да и сколько уже прошло времени с того момента, как проглотил их? Не много ли я от них ждал? После Кипящей Крови человек должен лежать пластом, словно древний старик или ребёнок после горячки. Воин, принявший его, либо погибает в бою, либо побеждает и оказывается в руках верных собратьев идущих.

Но я один. В снежной ловушке, в двух шагах от пропасти, вернее, в ней самой, лишь милостью Неба замерев на самом её краю и на краю жизни. И срок подарка уже истекает, Огня Жизни оказалось мало. Всё зря. Зря... Но... Почему у Воина Тарсил было с собой так много фиалов с этим средством? Что, если их можно принимать несколько раз подряд?

Да, я о таком не слышал. Но много ли найдётся среди ватажников и пустобрёхов с рынка тех, кто достаточно богат,

чтобы не просто обменять кровь на время, а повторять это раз за разом? Да и какой у меня выход? Пусть даже это зелье повредит телу? Что мне до этого, когда ещё пара сотен вдохов и я замёрзну насмерть, окончательно обессилив.

Новая мысль заставила меня выругаться вслух онемевшими губами:

– Дарсов тупица...

Хриплый, каркающий голос, лишь чуть преодолевший громкость шёпота, напугал меня настолько, что я замолчал. Насколько он показался чужим и страшным.

Но главное в том, что теперь я разрывался между выбором, на что потратить оставшиеся силы?

На то, чтобы дотянуться до кисета, достать зелье Огня, откинуть пробку и влить алхимию в горло? Но сумею ли я вообще это сделать? Как глупо потратил силы очнувшись...

Или поднять руку, повернуть её к себе ладонью, создать перед ней давно исчезнувшее обращение и выполнить технику Прикосновения или Возрождения? В надежде, что она спасёт меня.

Но эта техника лечит раны, на которые я уже потратил два фиала орденой лечебной алхимии, а что она сделает с тем бессилием, которое охватило меня? С сожжённой жизнью, с опалёнными Кипящей Кровью жилами? Выйдет ли как с Лейлой, которой техника придавала сил? Новая мысль бросила камень на другую чашу весов. С сестрой нужно было несколько лечебных техник подряд. Уверенности в том, что

сумею выполнить их одну за другой, у меня не было. Вернее, ощущая, как всё сильнее накатывает слабость, был убеждён, что у меня всего один шанс, и даже Длань Возрождения не поможет. А значит, и путь один.

Рука медленно поползла к кيسету. Неудобно, что расположен он под правую руку, которая сейчас висит беспомощной обузой. Но мне главное коснуться ремня, зацепиться за него большим пальцем, чтобы ладонь легла на мешочек, а там можно будет отдохнуть. Скрипя зубами от злости, я тянул и тянул руку. На этот раз мне казалось, что сквозь хриплое дыхание я слышу, как хрустит корка льда на плече.

Есть. Я даже почувствовал прилив сил, выполнив первую часть задумки. Духовный взор скользнул в кисет Путника. Полка со склянками. Огонь Жизни. Я снова повторил трюк, что выручил меня в прошлый раз: сорвал пробку ещё здесь, роняя её к так и лежащим на полу этого места. Жаль нельзя доставить фиал сразу ко рту.

Этот путь дался мне едва-едва. Сколь бы мало я ни потратил мгновений в кисете Путника, но остатки сил растаяли за это время бесследно. Либо же и вовсе были только наваждением. Не поверил бы никому, кто рассказал бы мне такую байку, но простое и медленное движение от пояса к губам отнимало столько сил, требовало столько сосредоточенности на себе, что я не мог даже отправить духовный взгляд к средоточию и выплеснуть в тело туман силы, помогая ему хотя бы таким образом. Мне сейчас приходилось выбирать

что-то одно.

Причём с момента, когда фиал покинул кисет, я не был даже уверен, что по-прежнему сжимаю его в руке или не опрокинул на полпути: я не ощущал ни пальцев, ни того, было ли в них хоть что-то, а каждое движение словно высасывало из меня остатки жизни. Так как это делал призрак Флага с врагами.

И каким же облегчением стал момент, когда в губы уткнулось стекло фиала, и в горло полилась горечь алхимического варева. Но я радовался этому вкусу, ведь он сулил шанс выжить, выбраться отсюда и завершить свои дела. Как бы я ни был уверен в честности Вартуса, в том, что пока я жив, его контракт продолжает действовать, но самому убедиться в том, что орденцы не сумели догнать ватажников, а те добрались до Шепчущего – самое надёжное и верное.

И потёкшее по жилам тепло, ощущение уколовших пальцы крохотных иголок, говорило мне: выбор оказался верен, Огонь Жизни действует.

Через пять вдохов я не только скользнул духовным зрением к плескающейся в средоточии энергии, но и сумел вытолкнуть из него туман силы. Он отдался во всех меридианах болью и это было ожидаемо. Глупо было надеяться после столь сильной боевой алхимии, как Кипящая Кровь, не получить повреждений меридианов. Ничего, я сумею справиться со всем этим.

Впрочем, через сотню вдохов я уже не был так самоуве-

рен. Мне становилось хуже: снова накатила слабость, голову вновь стиснули невидимые руки, грозя раздавить. Только когда меня начал бить кашель, я, с трудом делая очередной вдох, понял: воздух! Едва заставил руку проделать путь к кисту ещё раз. На этот раз моей целью был Пронзатель. Ему не хватило места: древко появилось в руке, а лезвие намертво завязло в снегу передо мной. Неважно. Несколько раз судорожно втянув в себя воздух, я медленно, понимая, что шанс лишь один, создал обращение, преодолевая боль в меридианах, наполнил созвездие Звёздного Клинка силой. И натужно повёл Пронзатель вниз, рассекая пронизанную радужными разводами темноту.

В себя я снова пришёл от холода. Тело нещадно колотило, а резь в пальцах рук была так невыносима, что затмила даже жжение в плече и меридианах, вынудив стиснуть зубы. Зато перестала раскалываться голова, дышалось гораздо легче, да и сил изрядно прибавилось. Достав из кисета старый волчий плащ, я попытался натянуть его на себя и обнаружил, что правая рука по-прежнему отказывается двигаться. И это полбеды. Я всё так же ничего не видел в своей снежной норе, но духовное зрение сообщило мне, что рана в плече и не думает заживать. Даже здоровая и широкая рана в спине, больше похожая на дыру, повредившая ребра и лёгкие, уже начала закрываться, показывая, как долго я был без сознания, но не рана от техники Пратия. Больше того, духовное зрение показало мне огненные искры, по-прежнему обугли-

вающие мою плоть.

До этого дня мне везло. Я либо быстро убивал встреченных Зверей, либо их умения были недостаточно высокого качества. Возможно, та змеешая черепаха, что едва не лишила меня глаза, использовала не яд, а как раз духовную силу своей стихии, но тогда я сумел быстро использовать зелья и туманом силы подавить её. Тогда всё обошлось. В этот раз всё было по-другому. Ни разу до этого дня мой враг не обладал таким высоким Возвышением и такими мощными техниками. С момента ранения прошло уже дарс знает сколько времени, а стихия огня Пратия всё ещё калечит меня. Не помогли и зелья, что я вылил на рану. Как это возможно? Проклятый старик, он что, оставил мне о себе вечную память?

Оценив количество собравшейся в средоточии энергии, я поднял руку и развернул её к себе ладонью. Круг обращения, символы, в меридианы медленно полилась духовная сила. А я зарычал от боли. Узлов использовалось больше, чем в Клинке, меридианы жгло так, будто техника уже давно сорвалась, сила просачивалась из них, словно они были старым, дырявым ведром, подсунутым мне крысёнышем Скирто.

Но я справился, удержал духовную энергию, довёл её до конца, заставил обращение к Небу выплеснуть на меня лечебную технику Длани Возрождения. И со стоном снова откинулся на своё снежное ложе.

Я опять нарушал все советы духа Каори. Только на этот

раз речь шла не о Круговороте, а об этой лечебной технике. Едва немного восстановил силы, как вновь отправил руку к кисету. Лечебное зелье для ран, лечебное зелье Росы, Длань, добавить тумана силы в тело, сгустить его вокруг раны в плече, прерваться на короткую медитацию, повторить.

После третьего раза остановилась кровь, бегущая из плеча, после пятого края раны чуть зарубцевались, и я решил остановиться. Дальше боролся с раной только своими силами, не прибегая к помощи техник и зелий, сосредоточился на тумане силы и своих ощущениях. Не без успеха. Не прошло и тысячи вдохов, как я сумел подавить первую из искр Пратия, окружив её своей духовной энергией, и раз за разом наваливаясь ею на огонёк, в конце концов, будто потушив. Хотя, почему будто? Если моя стихия вода, именно это я только что и сделал: потушил огонь водой. И буду продолжать.

Плохо было то, что сейчас, как никогда, могла бы пригодиться Форма заживления, она бы отлично дополнила мои усилия. Но в своём снежном мешке я не мог принять верную позу, а значит, не мог и выполнить ни одну из форм. И потому лишь удвоил сосредоточенность на ране, окружая каждую тлеющую искру духовной энергией и ища в ней следы уже своей стихии. Ведь это моё тело, в моём распоряжении средоточие, средоточие, в котором не так давно плескалось зелье Стихиального Единства. Одну за одной я отлавливал в своих меридианах, в средоточии нити стихии, так и норовя-

щие ускользнуть от меня, вёл их к плечу себе на помощь.

К тому моменту, как в моей крохотной снежной пещерке начало светлеть, я успел выпить ещё один Огонь Жизни, десяток других фиалов и погасить каждый из следов огня в ране, делая это всё быстрее и тратя всё меньше силы и всё больше голубых нитей. Моё тело освободилось от чужой стихии. Да только обугленная рана и не думала заживать, и свидетель этому очередная, седьмая по счёту техника Длани Возрождения. После которой я опять потерял сознание.

Когда вновь очнулся, то чувствовал себя не так уж и плохо, почти так же, как после прошлого сжигания выносливости, которое пережил в Гряде. К ощущению слабости и уже ставшей привычной саднящей боли в меридианах, примешивалась странная уверенность, будто стоит мне лишь попытаться, и я даже смогу бежать и прыгать, словно что-то подталкивало меня делать это. Верный признак того, что последние техники Длани были лишними. Вот что значит испытывала Лейла каждый вечер.

Похоже, я заступил за пределы своего тела, и ничем хорошим такое лечение окончиться не могло. Впрочем, какой у меня был выбор? Во всяком случае, я не умер от ран, не замёрз насмерть, не задохнулся и даже способен двигаться. Похоже, в малой мере преодолев последствия сжигания жизни. Хотелось бы знать, сколько прошло времени с того момента. Вздохнув и смочив пересохший рот, на этот раз обычной водой из фляги, принялся освобождать себе выход и столкнул-

ся с новой проблемой, о которой мог бы догадаться и раньше.

Возможно, не хотел? Ещё во времена жизни в Пустошах я понял, что, даже если у человека есть талант определять правду и ложь, то его всё равно можно обмануть. И даже научился это делать. За прошедшие месяцы жизни в Гряде и Миражном я отлично понял, что человек может успешно обманывать не только других, но и самого себя, убеждая в чём угодно. И всё же лучше сказать правду как можно раньше.

Стоит признаться себе – я калека.

Слишком долго чужая стихия находилась в моём теле. Много десятков раз я глядел на шрам Мириота, удивляясь, как глава ватаги, обладатель стихии Дерева, мог вообще заполучить такую рану. Теперь я знаю ответ – в жизни идущего может случиться всякое. Как бы ты ни был силён, как бы ни был удачлив, но на пути однажды может встретиться враг, который окажется гораздо сильнее тебя.

В моём случае простым шрамом дело уже не обойдётся. Пусть я погасил каждый из огней Пратия, но мышцы плеча, его жилы и не думали восстанавливаться даже после стольких лечебных орденских зелий, даже после стольких лечебных техник. Да, я силён. Да, силён мой дух и жажда схватки. Но сожжённых мышц они заменить не могут. Сейчас в полумраке я не видел толком свою рану, спрятанную под бронёй. Зато ощущал отвратительную вонь горелого мяса. Правая рука стала попросту бесполезна. Хуже того... Два узла в плече, давно мной открытых, выглядят так, что не рискну

отправить в них энергию, использовать в технике. Боюсь, это окончится её срывом.

Если взглянуть правде в глаза, то и шанс восстановить руку невелик. Особенно узлы, которые словно тоже опалены огнём. Во всяком случае, в этом Поясе. Я использовал на себе лучшие из орденских зелий, земную технику лечения третьего созвездия. Лучше этого разве только то, что считается тайнами фракций Первого. Но где они, и где я? И что от меня потребуют взамен? Мне наверняка помогли бы в Павильоне Кавиот. Но войти в Миражный второй раз нельзя. Даже шэну. И встал выбор – искать себе помощь здесь, в этом Поясе бесценную, или потратить это время на Возвышение и потом найти доступное зелье или технику лечения уже во Втором?

Дяде Варо, парализованному в Нулевом, мог помочь здесь любой средний алхимик. Наверняка так же обстоит дело и с моими ранами. Возможно, во Втором смогут не только восстановить моё плечо, но и его ногу.

С этой мыслью вытащил из кисета кусок верёвки и принялся приматывать руку к телу. Хорошо, что могу хотя бы двигать пальцами на ней и через боль сгибать в локте. Не закрепив руку, просто не смогу пользоваться техниками движения. Ни Шагами, ни тем более Рывком, слишком уж велика их скорость, которой безвольная обуза станет только помехой.

Затем ухватился за древко Пронзателя. Меридианы отве-

чали мучительной саднящей болью на технику, но это не помешало, переживая боль, за несколько применений Звёздного Клинка окончательно рассечь на части снежную пробку, что запечатала меня в этой расщелине. Темноту, разгоняемую одиноким лучом света, расчертили ещё несколько. Повторять то безумие, что вытворил, очнувшись и попытавшись разорвать почудившиеся оковы Рывком, я не собирался. Осторожно упёрся спиной в камень и выдавил снег наружу, отвоёвывая себе несколько шагов пространства. Затем повторил это, упираясь в снежную стену здоровым плечом. Не прошло и двадцати вдохов, как преграда рухнула в пропасть, а хлынувший свет на миг ослепил меня.

Тишина. Слышен лишь свист ветра. Над головой нависают низкие облака, чуть ли не спускающиеся ко мне в расщелину. Кажется, если вскинуть в небо Пронзатель, то можно будет разорвать их. Беда в том, что однорукому подобное оружие больше не под силу. И оно исчезает в кисте, сменяясь другим.

Перед следующим шагом я внимательно прислушался к себе и своим меридианам. Малейшая неточность в привычной технике, крошечная ошибка в количестве посланной в меридианы энергии, и я отправлюсь вслед за снегом на дно. И вряд ли одной руки хватит, чтобы уцепиться и прервать падение. Пришлось даже проверить себя Шагами, отступив в расщелину и выбравшись из неё. Но ничего, кроме боли, мне не мешало. Техника послушно переносила меня на то

расстояние, на которое я отмерил ей энергии.

На краю я замер на миг, решаясь.

Прыжок в пустоту, так, чтобы меня развернуло в воздухе. Поймать взглядом край обрыва наверху, под самыми тучами. Рывок. Тело замерло в крайней точке техники. Короткое падение и в ноги ударил камень скалы, в трёх шагах от пропасти.

В руке я теперь сжимал цзянь. Но он был не нужен. Уже не нужен.

Вокруг лежали лишь мёртвые тела. Десятки тел, опалённых огнём. От плащей почти ничего не осталось, ветер шевелил обгорелые лохмотья одежды. Смотреть в искажённые предсмертной болью лица не хотелось, но мне нужно было это сделать.

На ближайших телах нашлись следы мечей и техник, но все остальные погибли от огня. Ни одного знакомого лица. Как бы ни были они обезображены пламенем, но опознать ватажников я бы сумел. Это не Волки и не Тигры. Это не орденцы. Хорошая, качественная броня из кожи и стали, но ничего выдающегося. То же самое с оружием. Разнообразные мечи и копья без единого клейма. То, что не заинтересовало победителей.

Здесь почти не осталось снега, под ногами было огромное, в полсотни шагов шириной пятно тёмного камня. Лишь дальше он был прикрыт белым. И на нём глаз зацепился за ещё одно пятно. На этот раз синего цвета.

Путь, который я раньше преодолел бы двумя Рывками или быстрой пробежкой, сейчас занял у меня больше сотни вдохов и в конце заставил хрипеть при каждом шаге. Мне лишь казалось, что Огни Жизни почти восстановили всё сожжённое в сердечном меридиане.

Этого человека я тоже не знал. Снег вокруг него сохранил следы схватки: расколотые техниками камни, кровь, отпечатки сапог. И одежда, и броня погибшего разительно отличались от той, что носили сгоревшие люди. Дорогая, качественная, она всё равно была пробита в нескольких местах. Но мне сразу бросилась в глаза дыра на правом плече. Такая знакомая дыра, открывающая взгляду дочерна сожжённую плоть. Этот человек не сумел сбежать от вопросов Пратия. Похоже, с ним он не намеревался играть и сразу бил в полную силу, силу, о которой меня предупредила Лиора. Хотя мне всё же удалось удрать от комтура. Пусть и не с первого раза. Если бы не призрак...

Мысль о нём заставила меня споткнуться в своих рассуждениях. Ему тоже сильно досталось в сражении, мне сейчас не на кого положиться. Ни на него, ни на Молот Монстров, ни на техники, ни на тело, которое вдруг вспомнило, что такое усталость.

А я брожу здесь безбоязненно. Неужели никто, ни орденцы, ни вот эти неизвестные люди, не оставили наблюдателя? Пратий ведь так рвался догнать меня, расспросить и забрать то, что я вынес из Миражного. Даже если я ничего об этом

и не знал. Что изменилось, раз он не стал искать меня? Кто напал на орденцев, и что им сказал мёртвый, лежащий у моих ног?

Развернулся, оглядывая заснеженное пространство за собой. Те камни, к которым я так спешил в своём бегстве, оказались лишь вершинами скалы, вдоль которой я падал. Похоже, что налево расщелина расширялась, а направо, напротив, сужалась. Не спеши я так во время бегства, то заметил бы, что слева снежный покров не сплошной, а нависает карнизом над пропастью. А возьми в беге вон туда, правее, где и шли мы с Волками, то и вовсе не провалился бы. И погиб бы. Или оказался в плену. Снова поглядел на вершину склона, который сейчас скрывал от меня и Миражный, и орденцев, что мчались где-то там по лесу за ватажниками. Или вернулись в горную резиденцию Пратия. А может, разбили лагерь прямо у формации Миражного.

Спохватившись, я коснулся рукой кисета. Сейчас меня интересовала не опустевшая полка с алхимией, а та, на которой были свалены свитки контрактов. Вот этот, верхний. Я выхватил его из кисета и спустя два вдоха облегчённо выдохнул. Контракт был цел. Вартус жив и по-прежнему выполняет договор. А ведь накладывая на себя Указ ограничения, я сглупил. Могло случиться и так, что это стало бы достаточным для его расторжения. Или преодоления. Закалка первой звезды. Младенец, который умирает от ран под слоем снега. Я передёрнул плечами, отгоняя невольную дрожь

воспоминания. Обошлось.

Плохо то, что снега на краю расщелины не осталось и неясно искали меня или нет. Скорее всего, тогда Арий нашёл не меня, а вот этих, новых гостей, которым всем здесь словно небесную технику пообещали, что они неделями сидели и ждали выхода Волков из Миражного. Этот, лежащий под моими ногами мертвец, вонял так, что его и зелье против запаха не спасло бы от зверей в лесу. Но вот орденцы сожгли этих, поймали их командира и стали его допрашивать. Были ли на нём контракты или Указы? Отвечал ли он? От чего умер? И что после стали делать орденцы? Если они не искали меня, то вряд ли будут преследовать и Вартуса. Но если искали и не нашли, то не решат ли поймать моих родных, чтобы узнать от них хоть что-то? Или и впрямь упрямо будут гнаться за ними, чтобы выместить злость за гибель собратьев?

Переживая, для начала поднялся по следам орденцев наверх, последние шаги сделав с осторожностью на тот случай, если они всё же приглядывают за этим местом. Но нет, не увидел никого ниже по склону. Вряд ли бы они стали снова использовать маскировочную формацию, тем более что видны и следы, которые я сам оставил во время бегства и даже припорошённые снегом тела далеко внизу. А ещё точки зверей, что бродят между ними. Удивительно, как они сюда ещё не добрались.

Поняв, что лишь зря карабкался, оскальзываясь и зады-

хаясь, я спустился обратно, скрываясь от взглядов зверей и отдыхая каждые двадцать шагов. Здесь. Достаточно далеко от вершины перевала.

Рука вонзила древко в снег:

– Призываю. Появись.

И я едва удержался от ругательства. Призывая призрака, надеялся, что он в лучшем, чем я состоянии, рассчитывал на его защиту. Всё же здесь тоже немало трупов, и ветер разносит жуткий запах их смерти по всем окрестностям. Но призрак выглядел так, словно всё это время во Флаге истекал своим туманом, теряя силы, как я кровью в снежном мешке. Сейчас он выглядел даже слабее, бледнее, чем в моей битве с сектантом. Если у меня были лечебные техники и флаги, то сам Флаг, видимо, не умел залечивать раны того, кого держал в себе. Или же делал это очень и очень медленно. Чем я мог помочь своему единственному соратнику в прошлых и будущих боях? Сила? Я невольно прислушался к себе и сфере боевой медитации, которая то и дело обдавала тёплыми порывами ветра. Энергия Неба есть, вот только её гораздо меньше, чем в Миражном, и меньше, чем во время схватки. Странно. Будто и не поднимаются вокруг скалы Братьев, словно мы вблизи Гряды.

Несколько вдохов я вглядывался в текущие, сменяющиеся маски лица, обдумывая, чем я могу помочь призраку. Сомнительно, что лечебная техника, предназначенная для людей, сумеет хоть что-то залечить в его туманном теле. Ско-

рее уж она помешает тому ритуалу или формации, который и удерживает его странную жизнь. Но попробовать можно.

Призрак стал меньше ростом, у него проявилось детское лицо, искажённое в странной гримасе. Он шагнул вперёд, поднимая руки и растопыривая пальцы, на которых принялись отрастать тёмные когти. Я же опустил голову, исподлобья вглядываясь в него. Призрак замер, сменяя лица и рост в череде образов, на туманной маске наконец проявились черты мужчины. Он опустил руки и шагнул назад. Я перевёл дух, кивнул ему, как старому знакомому, которым он уже стал для меня, и, подняв ладонь вверх, спросил:

– Ты можешь использовать эту энергию для своего лечения?

Прикосновение Весны сорвалось в небо, истекая с ладони странной, едва заметной волной искажённого воздуха.

Отрицательный жест.

Длань Возрождения. Через боль.

Тот же ответ от призрака.

Я опустил руку, вокруг пальцев которой только что погасло синее свечение, задумался. Выходя из города, идя по этим склонам в окружении Волков, я не боялся ни одного местного Зверя. Скажи мне кто, что скоро встретится стая Скальников, лишь усмехнулся бы. Теперь же опасаясь встречи даже с одним. Особенно если он окажется хотя бы в половину столь силён, как Звери Миражного. Создать Звёздный Клинок я сумею...

Мысли споткнулись. Создать оружейную технику с клинком, который пропитан чужой силой? Спohватившись, смешил цзянь на Пронзатель и продолжил обдумывать беду, в которую угодил. Смертельный удар я нанесу. Один раз. Но вот продержаться хотя бы десяток вдохов в яростном движении схватки... Сомнительно. Полагаться на единственный удар? Глупо. Особенно если Зверь придёт не один.

Мне нужен помощник, который сдержит хотя бы одного-двух врагов, решивших зайти сзади. И помощник, которому я могу доверять свою спину.

Ни разу, ни в одном из иссушенных призраком Зверей я не сумел найти ядра. А ведь столь высокозвёздные Звери просто не могли их не иметь, я получал добычу почти из каждого убитого своими руками в Миражном. Духовное зрение проникло в кисет, обратилось к полке с трофеями. Полупрозрачный серый камень шарообразной формы – ядро Зверя седьмой звезды стихии Земли. Трофеем Воина Тарсил.

– А что насчёт этого?

Не одной же сестре подкармливать свою кошку. Дымящаяся туманом фигура снова дрогнула, одним движением перетекла ко мне, рука призрака легла сверху, накрывая мою ладонь. Я ощутил мгновенное тепло, тут же унесённое холодным, со снегом ветром, что дул в левую щёку. Тот, кто был когда-то Мастером, отступил на шаг, а я увидел, что в моей руке ничего не осталось. Зато закрывалась одна из ран призрака. Отлично и очень быстро. Одна из догадок верна.

Но это решает лишь одну из моих проблем – мою защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.